

Арина Теплова

12+

Дружина

Чародеи

Арина Теплова

Опричник

«Автор»

2020

Теплова А.

Опричник / А. Теплова — «Автор», 2020 — (Чародеи)

1572 год. Русское царство. Мирон Сабуров — опричник Ивана IV Грозного, воин-ратник из «Волчьей сотни». По приказу царя «Волчья сотня» ведет борьбу с нежитью, нечистью, которая в избытке водится на Руси. Обладая недюжинной силой, храбростью, мощной энергетикой и не имея себе равных в ратном деле, Мирон слывет лучшим витязем-охотником за колдунами, оборотнями, призраками и другой нечистью. Однажды старец-монах Радогор поручает Мирону Сабурову найти и отвоевать у потусторонних сил и темной нечисти древнюю Чашу Грааля, которая может подарить бессмертие... Мирон отправляется в путь со своим братом Василием и вскоре находит в подземелье колдуна странную монахиню... Каждая книга в серии "Чародеи" является самостоятельной историей, возможно прочтение книг в разном порядке.

© Теплова А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Посвящение	5
от автора	6
Пролог. Святой Грааль	7
Глава I. Воевода	9
Глава II. Проклятая дорога	13
Глава III. Царица	18
Глава IV. Пес	23
Глава V. Волчья сотня	27
Глава VI. Старец	31
Глава VII. Сергиев Посад	36
Глава VIII. Колдун	42
Глава IX. Монахиня	47
Глава X. Узники	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Арина Теплова

Опричник

Посвящение

Посвящается моему деду Николаю Теплову, офицеру Советской армии, отдавшему многие годы своей жизни самоотверженному служению родине – России.

от автора

Люди не всегда говорят правду. А правда не всегда лучше лжи. Истинные же чистые души пытаются найти в этом мире правду, любовь, справедливость и веру в светлое. Но не всегда этот мир добр к таким чистым душам, и порою им приходится выбирать между Тьмой и Светом...

Гей, славяне, гей, славяне! Будет вам свобода,
Если только ваше сердце бьется для народа.
Гром и ад! Что ваша злоба, что все ваши ковы,
Коли жив наш дух славянский! Коль мы в бой готовы!

Пусть нечистой силы будет более сторицей!
Бог за нас и нас покроет мощною десницей!
Устоим одни мы крепко, что градские стены!
Проклят будь, кто в это время мыслит про измены!

Боевой клич славян

Пролог. Святой Грааль

Париж, замок Тампль,
1307 год, Февраль

– Ты вовремя, мой мальчик, – произнес хриплым голосом магистр Жак де Моле, поднимая глаза на вошедшего в зал молодого рыцаря в кольчуге и доспехах.

– Мессир, – с почтением вымолвил тот, поклонившись головой седому магистру Ордена Храма. Они говорили по-французски, с бургундским акцентом.

– Пройди, – велел магистр тамплиеров Жак де Моле, и его голос разнесся глухим эхом по каменной округлой комнате. Они находились в небольшой мрачной зале, расположенной в подземельях замка-крепости.

Молодой человек приблизился к высокой сухощавой фигуре магистра и почтительно замер, ожидая дальнейших слов де Моле. Магистр оторвался от изучения некой древней книги, лежащей перед ним на высоком столе и, обратив усталый мрачный взор на рыцаря Рено де Шартра, тихо сказал:

– Рено, послушай меня внимательно, – Жак де Моле сделал небольшую паузу, словно ему было трудно говорить, и продолжил: – Ты один из немногих, кому я могу доверять как себе.

– Благодарю вас, мессир.

– Слушай и запоминай, – продолжал магистр. – Я вижу будущее и знаю, что скоро для нашего Ордена Храма наступят тяжелые времена. Наши богатства вызывают лютую зависть не только у Ордена Иоаннитов, но и у самого короля Франции Филиппа IV и даже папы. Скоро наш Орден подвергнется опале, так я недавно прочел в древней книге...

– Но ведь мы управляем всеми финансами королевства, – начал Рено.

– Вот именно! Через руки братьев нашего Ордена идут все денежные потоки не только Франции, но и других государств. Но я позвал тебя не за этим, мой мальчик.

– Слушаю вас, мессир.

– Ты станешь хранителем нашего главного сокровища. Бесценной и тайной реликвии. Самой ценной, которая не имеет цены.

– Я не понимаю.

– Не перебивай и выслушай до конца, – заметил магистр де Моле. – Я отдам тебе некую древнюю реликвию, драгоценность, владельцем которой был сам Спаситель! Эта древняя Чаша, на которой остались следы Его крови, и оттого она бесценна. Эта Чаша чудотворна, ибо своему владельцу она может принести несметные богатства, вселенскую мудрость и даже бессмертие. Эта Чаша святого Грааля! Наши рыцари добыли ее в битвах, в Иерусалиме, сто пятьдесят лет назад. С тех пор мы, магистры Ордена, храним ее как великое чудо! В тайне, в наших подземельях. Если Орден падет, и король завладеет нашими богатствами, к нему в руки попадет и эта чудесная Чаша, которой не должны владеть простые смертные. Потому что святой Грааль может принести как огромное богатство и благоденствие, так и жуткие беды и несчастья, если простой человек, не понимающий ее сакрального действия завладеет ею и захочет могущества. Это Чаша мудрости и откровения, и служить она должна только великим мудрецам, которые понимают ее предназначение и будут использовать ее для блага людей!

– Но я никогда не слышал об этой Чаше, – вымолвил благоговейно Рено де Шартр.

– Ибо это великая тайна, которая не должна быть открыта непосвященным. И именно тебе, Рено де Шартр, выпала честь охранять нашу бесценную реликвию. Ты должен увезти чашу Грааля из Франции, чтобы она не досталась нечестивцам, жаждущим только обогатиться, не имея высшей цели!

– И куда же я должен отвезти святую Чашу?

- На восток. В земли, которые еще неподвластны святой инквизиции...
- Что я должен сделать с Чашей? – спросил тихо, но твердо Рено де Шартр.
- Ты наш истинный рыцарь Храма. Ты должен спрятать ее в далеких землях и охранять до того времени, пока не станет безопасно в нашем королевстве, и только тогда ты можешь вернуться домой...
- Я исполню волю Ордена...

Спустя месяц Жак де Моле, магистр Ордена тамплиеров, или храмовников, как называли Орден в простонародье, был арестован, как и остальные рыцари Ордена. Их обвиняли в предательстве Христа, в дьяволопоклонстве и колдовстве. Настоящая цель свержения могущественного Ордена рыцарей-тамплиеров тщательно скрывалась и состояла в том, что король Филипп IV жаждал завладеть огромными богатствами и землями храмовников. После многочисленных жестоких пыток, в течение пяти лет, сотни рыцарей Ордена были замучены в темницах или сожжены на кострах. Во время своей казни последний магистр Ордена, Жак де Моле, заявил о невиновности Ордена. Задыхаясь в пламени костра, магистр тамплиеров проклял короля Филиппа до тринадцатого колена и папу Климента, призвав их на суд Божий в ближайший год.

Спустя месяц при невыясненных обстоятельствах умер папа Климент, а спустя полгода отдал Богу душу и король Франции Филипп IV. В течение двадцати лет все трое сыновей Филиппа IV Красивого также скончались, и династия Капетингов прервалась. Следующие представители правящих династий Франции, родственники Капетингов, такие, как, Валуа и Бурбоны, также пережили много бед, и многие из королей умирали насильственной смертью на протяжении многих веков. Последний представитель рода Бурбонов, Людовик XVI, был обезглавлен на гильотине в 1793 году во время Французской революции. Существует свидетельство о том, что, когда голова последнего монарха Франции Людовика XVI скатилась, некий человек из толпы прыгнул на помост и, окунув руку в кровь казненного монарха, закричал:

– Жак де Моле, ты отмщён!

Чаша Грааля, про которую знали лишь немногие посвященные рыцари Ордена тамплиеров, более не была найдена и исчезла навсегда, вместе с последним магистром Жаком де Моле...

Глава I. Воевода

Русское царство, г. Суздаль
1572 год, 10 мая

Рассвет едва занимался, когда Мирон Сабуров и его брат Василий достигли первых деревянных изб города. Печи в домах горожан уже дымили, выпуская через беленые трубы серые столпы, и округа только просыпалась после холодной промозглой ночи.

Суздаль – довольно крупный по тем временам город, расположенный в двухстах верстах к северу-западу от Москвы, некогда столица Ростово-суздальского княжества, теперь слыл торговым и военным центром Русско-Московского царства. Стоящий на полноводной реке Каменке, с деревянными и белокаменными церквями, монастырскими подворьями, военным гарнизоном, многочисленными богатыми дворами бояр и высоким частоколом, город являл собой великолепно приятное зрелище для проезжающих путников, несмотря на накрапывающий нудный дождь.

Два опричника на взмыленных конях, в темных одеждах, с оружием и в подбитых мехом чугах, стремительно преодолевали улицы, проулки и производили на немногочисленных горожан, неприятное и даже жутковатое впечатление. Опричников царя не любили. В народе говорили, если они пришли на твой двор – жди беды и немилости государя.

Опричное войско царь Иван IV Васильевич сформировал из служивых людей еще семь лет назад. Устав от неповиновения бояр, заговоров и темных дел за своей спиной, царь решил немедленно карать неугодных бояр и князей, которые смели не подчиняться ему и вершить за его спиной свои козни.

К сему времени опричники составляли шеститысячное войско, личную гвардию царя, занимались поиском, выявлением, арестами и подавлением неугодных и неблагонадежных людей по всей стране. Опричникам дана была безграничная власть, и без суда и следствия они могли засечь человека насмерть только за одно неверно сказанное слово в сторону государя. Хотя у дворян имелись привилегии от произвола, и опричники могли только арестовать и привести неугодного на царский двор для дальнейшего суда. Но и бояре, и князья все равно побаивались этих лихих хранителей царской власти, на которых не было управы.

Оттого, проезжая верхом по улицам Суздаля, молодые опричники невольно отмечали, как некоторые из прохожих недовольно сплевывали им вслед, а бабы испуганно крестились, прижимаясь к избам, едва завидев их.

– Что–то не очень рады видеть нас здесь, Мирон, – обратился Василий к брату, нагоняя его на своем караковом жеребце.

– Мы не сами вызвались сюда, – отозвался сухо Мирон, пожав плечами. – Сейчас к воеводе доедем, да и узнаем, зачем он нас вызывал.

Лишь однажды, спросив дорогу ко двору боярина Никанора Романовича Ртищева, молодые люди уже спустя полчаса остановили своих уставших коней у высокого частокола с дубовыми воротами. Мирон, спешившись, подошел к двери-калитке и громко постучал железным кольцом. Им открыли не сразу, и молодые люди стояли некоторое время под дождем, недовольно сплевывая воду с лиц. Наконец калитка отворилась, и едва некий мужик узнал имена и чины прибывших, как немедля отворил им дубовые ворота, услужливо кланяясь. Какой-то мальчонка уже убежал в высокий терем, и спустя несколько минут к опричникам вышел сам Никанор Романович в длинном кафтане на боярский лад.

Гостей проводили в самую большую, светлую горницу терема. Вся дворня была поднята на ноги, и через четверть часа молодые люди уже сидели за широким столом со всевозмож-

ными яствами напротив хозяина дома и с жадностью поглощали вкусную пищу. Утолив первый голод, Мирон поблагодарил боярина за гостеприимство и осведомился:

– Так зачем ты посыльного в наш монастырь отрядил, уважаемый Никанор Романович?

– Как же, Мирон Иванович? – тут же ответил боярин с окладистой бородой и темными глазами. – Знаю, что ваши братки, что в «Волчьей сотне» состоят, с нежитью управиться могут.

– Могут, – кивнул Василий.

Дело в том, что семь лет назад по тайному указу царя Ивана из рядов опричников была сформирована тайная сотня, так называемая «Волчья». Туда брали молодых, самых умелых воинов, которые хорошо поддавались научению тайным знаниям и готовы были осваивать магические умения. Сто самых отборных и лучших витязей «Волчьей сотни» воспитывались и тренировались в тайном Сторожевском монастыре в пригороде Москвы под надзором семи старцев-монахов, владеющих древними тайными знаниями руссов. Витязи сотни обучались бороться и побеждать нечисть и нежить, которая часто доставляла беспокойство в разных уголках Руси. И теперь слава о деяниях «Волчьей сотни» достигла даже окраин страны, так как умением победить или изничтожить темные колдовские силы мог похвастаться далеко не каждый.

– Дорога у нас есть, на выезде из города. Так проклятая дорога-то. Вот нам и нужна ваша помощь, Мирон Иванович и Василий Иванович, – продолжал воевода. – Самим нам никак не справиться. У меня уже два десятка солдат сгинуло на этой проклятой дороге, да и вдоволь крестьян поумерло, и все за последние два месяца.

– Дорога? И где она? – спросил Мирон. – И что странного на дороге той, отчего люди умирают?

Боярин как-то судорожно сглотнул и вымолвил:

– Дорога та в сторону Ростова идет. Там упыри поселились, в том месте, где плутает она через ельник густой. Люди пропадают, и все боятся туда соваться. Приходится вокруг, через деревню Ольховку ездить, а это, почитай, почти десять верст кругом будет.

– Упыри, говорите? – переспросил Мирон.

– Вот святой крест! – кивнул с боязнью в голосе Никанор Романович, перекрестившись на икону. Смотря в суровое лицо Мирона с серыми внимательными очами, боярин продолжал: – Мужики, которым спастись-то удалось, такую жуть рассказывают! Что сидят эти зеленые упыри – чудовища – на деревьях и нападают на всех. Кровь пьют и живьем людей едят.

– Мда, и впрямь жуть, – заметил безразлично Мирон, чуть поморщившись.

– А откуда взялись то они? – удивился Василий Сабуров.

– А мне почему знать? – ответил Ртищев.

– Скажите Никанор Романович, а кладбище местное цело? Никто его не разорвал? – задал вопрос Мирон.

– Нет. Все там хорошо было. Вчера хоронили там одну бабку.

– А колдуны, которые по ночам ходят на кладбище, таких не знаете?

– Колдуны? Да свят-свят, Мирон Иванович! – воскликнул с ужасом воевода, опять перекрестившись. – Не знаю я про таких. Какие страшные слова вы говорите.

– Понять мне надо. Упыри ниоткуда не возьмутся, насколько мне ведомо, – объяснил Мирон, задумавшись. – Упырей или вызывает кто-то, или сами они успокоиться не могут в могиле. Вот и рыщут по лесам.

– А как же это узнать? – спросил, замирая от страха, боярин.

– Вот мы и узнаем, – добавил Василий.

– Сказывайте подробно, где это место? – произнес Мирон, вставая. – Теперича и поедем.

– Я с вами поеду, покажу, – кивнул воевода.

– Хорошо.

Боярин Ртищев и молодые люди уже через час запрягли лошадей и выехали с широкого двора воеводы. Дождь уже прекратился, и стало ветрено. Солнце хоть и взошло, но серые тучи покрывали небо, наводя сумрачность на всю округу. Проехав две версты по пустынной дороге, всадники остановились у леса, куда далее уходила дорога.

– Теперь прямо ежайте, дорога-то тут одна, – сказал Никанор Романович, обращаясь к Мирону и Василию. – Не заплутаете. Ельник, наверное, через версту будет. Удачи вам, да помощи Богородицы.

– А вы с нами не поедете Никанор Романович?

– Нет, ребята. У меня срочные дела есть. А коли подсобите и справитесь с нежитью, щедро награжу вас, за это не беспокойтесь.

– Добро. Увидимся, – кивнул Мирон, хлопая своего жеребца по холке, чтобы успокоить. Молодой человек ощущал, что конь волнуется и явно чувствует что-то нечистое.

– Как справитесь, приезжайте ко мне на двор. Буду ждать! – выкрикнул, уже отъехав, Ртищев и, быстро прищпорив коня, направил своего жеребца в сторону Суздаля.

Переглянувшись, Мирон и Василий, направили своих коней на лесную дорогу. Шпор, которые теперь входили в обиход всадников, молодые люди не носили. Мода на железные резцы на сапогах, которыми понукали коней, пришла из Европы несколько десятков лет назад и не нравилась Сабуровым. Конь был их другом, который порой в пылу боя мог спасти им жизнь, умело выведя из опасности. И всаживать железные острия в его бока, чтобы указать путь, молодым людям казалось несправедным делом. Часто, полюбовно шепча своему четвероногому другу на ухо повеления-просьбы, молодые люди верили, что они с конем одно целое, друзья и товарищи. Животные понимали все это и слушались беспрекословно, ибо жеребцы были воспитаны молодыми людьми еще с жеребячьего возраста, считали Мирона и Василия своими братьями и были преданы им. Сабуровы очень ценили преданность коней и могли подозвать их к себе не только жестом, но и свистом, который жеребцы слышали почти за версту.

Они ехали бок о бок.

Еще при выезде со двора воеводы Сабуровы облачились в кольчужные доспехи и шлемы. Сбоку у каждого из братьев на поясной портуpee крепился двухсторонне заточенный палаш, напоминающий своим видом меч, только более короткий и узкий. За спиной, через плечо висел короткий бердыш, топор с длинным топорием. Короткий топорик и нож, дополняли вооружение. На луке седла, справа, у Мирона и Василия были надежно прикреплены берестяные тулы со стрелами. Огнестрельного оружия Сабуровы не носили. Оно было несовершенно: часто давало осечки и долго перезаряжалось. Гораздо надежнее в бою становились безотказные стрелы.

Слева на луке седла красовалась небольшая метла. В народе говорили, что метлами опричники выметали государственных изменников. Но смысл этого символа у «Волчьей сотни» был иной. Метла означала колдунов и нечисть, с которыми витязи сотни вели свою непримиримую войну. Головы же собак, которые вешали на шеи своих лошадей другие опричники Ивана IV, не прикреплялись воинами «Волчьей сотни», потому что сотенцы полагали, что собаки и волки их друзья, животные, которые преданны человеку и охраняют его. Ибо на Руси издревле считалось, что собака брат волка, а волк всегда был помощником в битве с темными потусторонними силами, порой своим воем пугая нежить или открывая местонахождение логова нечисти.

Сначала дорога была довольно открытой, и деревья не заслоняли ее. Но через некоторое время лес стал более густым, и солнечный свет скрылся за высокими кронами деревьев.

– Испугался воевода, – сказал вдруг Василий, озвучив мысли обоих.

– Так и есть, – согласился с ним Мирон, кинув на худощавую фигуру старшего брата понимающий взор. – Если бы не боялся, давно бы сам эту нежить вывел из леса. И нас бы не звал.

– Уж точно, – кивнул Василий и, смерив широкоплечую фигуру Мирона внимательным взглядом, спросил: – Ты боишься, братец?

– Боюсь, – вымолвил, не раздумывая, Мирон, сосредоточено осматривая ветви деревьев и замечая сильно сломанные, как будто по ним прошелся некто, ломая их. – Только дураки не боятся.

– Ты прав.

– Главное, вовремя понять, что делать надобно.

– Как там отче говорит? – добавил Василий, понукая коня ногами и пытаясь не отставать от брата. – Твоя мысль управляет тобой. Не та мысль, не то сделаешь – и голову потеряешь.

– Всему потустороннему объяснение есть, – заметил Мирон, отмечая, что птиц стало невидно, а в ноздри врывалась жуткая вонь. – Нечисть и нежить только там разводятся, где людишки местные просто боятся и не хотят понять, отчего это взялось...

– Да уж, – ответил Василий, оглядываясь по сторонам, и словно констатировал: – Тихо, как в могиле.

Они ехали какое-то время молча, напряженно держа руки на поясах с оружием.

– Ну и вонь, – не выдержав, процедил Василий.

– Знать на верном пути. Только упыри могут так вонять мертвечиной, – добавил Мирон.

Корявая дорога стала совсем узкой, и ельник начал преобладать над сосновыми деревьями. Глухая и петляющая дорога, среди мрачного ельника, нагоняла страшные мысли на путников. Гробовая тишина не добавляла светлых красок в окружающую картину, и оттого уже спустя некоторое время Василий заметил:

– Что за жуткое место.

– И не говори, Васятка. Не зря же воевода сказывал, что раньше здесь разбойничье логово было.

Через миг на небе вдруг стало сумрачно. Черная туча скрыла солнце, которое до этого хоть немного освещало путь. Стало жутко темно, хоть глаз выколи. Не видя брата и только ощущая его присутствие, Василий немного заволновался.

– Мечислав! – выпалил Василий, это было боевое имя Мирона. – Ты где?

– Здесь я. Тише! – отозвался над его ухом Мирон глухим шепотом, прижимаясь во мраке конем к крупу жеребца брата.

Глава II. Проклятая дорога

В следующий мигновение что-то просвистело над ухом Мирона, и тот, инстинктивно почуяв неладное, отклонил голову чуть вбок. Стрела с широким наконечником ударилась в кожаную луку седла и отскочила.

– Пригнись! – велел Мирон, отклонившись. Он стремительно вытащил палаш, пытаясь рассмотреть хоть что-то в кромешной тьме. Следующую стрелу он ощутил нутром и, успев увернуться, стремглав поймал ее рукой.

– Не видать ничего! – прокричал Василий, оборачиваясь и не видя стреляющего по ним противника. Он остановил своего коня и пригнулся к его холке. Мирон также замер на своем жеребце. Братья, верхом на конях, прижались к друг к другу конями.

– Погодь! – выкрикнул Мирон и, отшвырнув пойманную стрелу, протянул свободную руку вверх и сосредоточился. Уже через минуту темные облака, закрывающие солнце, начали свой ход, и неяркий свет озарил дорогу. Зорким глазом увидев среди ветвей нечто живое, Мирон стремительно убрал в ножны палаш и, умело выхватив из налучи стрелу, метнул ее с невероятной скоростью. Раздался хриплый вой, и нечто зеленое, бесформенное упало с дерева.

Вдруг что-то завизжало, и Мирон ощутил, как нечто прыгнуло позади него на лошадь и схватило его за голову, пыталось удушить. Понадобилось мгновение, чтобы Мирон умелым движением выхватил длинный нож и всадил его по рукоять в нежить сзади. Стремглав Мирон со всей силы вышвырнул упыря со своего коня на землю. Тот был невысокого роста коренастый, голый и зеленый, покрытый язвами и меховой шкурой. С его копыт стекала болотная жижа.

В одночасье два упыря с топорами, такие же зеленые, кинулись с деревьев на Василия. И тот лишь смог отбросить умелым ударом бердыша одного. Второго прямо по хребту ударил палашом Мирон, держа холодное оружие в правой руке. Нежить завизжала и, упав с коня, скатилась в канаву.

Мирон вынужден был чуть отъехать от брата, метнув короткий топорик в одного из противников, что сидел на дереве. Топор достиг нужного места, разрубив упыря, который свалился с дерева. Сразу же из-за кустов на Мирона выскочил еще один упырь, с оскаленной зубастой мордой, целясь укусить молодого человека за ногу. С яростным порывом Мирон выкинул ногу в кожаном сапоге в морду зеленого чудища и отшвырнул нежить с такой силой, что поганец отлетел на десять аршин к хилой березе и, ударившись со всей мочи головой, затих.

Конь Василия неистово заржал, и Мирон, обернувшись, увидел, как один из упырей впился в ногу жеребца брата, пытаясь сосать из нее кровь. Мирон метнул стрелу с серебряным наконечником в хребет нежити, зная, что драгоценный металл убийственно действует на нежить. Уже через секунду упырь резко оторвался от лодыжки коня и, оскалившись окровавленными зубами, бросился в сторону Мирона. Направив жеребца вперед, Мирон налетел на вурдалака и с размаху отрубил палашом нежити голову, которая покатила по земле.

Василий уже бился бердышом с другим упырем, который пытался запрыгнуть на его лошадь. Хотя у того уже не было одной лапы, но, он все равно со злобной решимостью бросился на Василия, пытаясь вцепиться ему в глотку. Василий же острым наконечником бердыша, напоминающим топор, рубил по упырю, что было мочи.

Оценив обстановку и видя, как из-за кустарника появился еще один упырь, Мирон быстро поскакал туда и, сконцентрировав энергию в своей руке с палашом, одним мощным ударом с размаху разрубил нежить от шеи до пуза. Упырь осел на землю, но в то же миг Мирон увидел, как с земли встает зеленый, которому минуту назад он отрубил голову. Отчего-то башка вновь притянулась к его волосатому телу, в том месте, где зияла глубокая рана. Зеленое чудище зашевелилось и оскалило свои клыкастые зубы. Мирон напрягся и отметил, что

и второй упырь, которого он практически разрубил надвое, зашевелился, и его тело начало срастаться.

Уже через некоторое время оба упыря, оскалив клыки, словно собаки, на четырех лапах бросились к нему, и Мирон, выставив перед собой палаш и длинный нож, начал рубить вражин с безумной жестокостью, осознавая, что нежить бессмертна. Какая-то сила поднимала их вновь и вновь, затягивая их раны. Краем глаза Мирон видел, как Василий бьется с двумя упырями, которые скакали вокруг его жеребца, как дикие кошки, пытаясь укусить коня и стараясь волосятыми лапами выбить у брата топор. Но Василий отменно владел бердышом и бил по зеленой нежити со всего размаху и умело. Упыри зло визжали и то и дело отпрыгивали от него, вновь возвращаясь.

Всего четверть часа кровавой бойни Мирону понадобилось, чтобы осознать, что есть что-то или кто-то, кто восстанавливает живучесть упырей. И биться нежить может хоть часами, но одолеть ее все равно не удастся. В тот миг, когда на него сверху, с дерева, прыгнул еще один упырь, Мирон свободной рукой схватил его за мохнатый загривок. Направив своего коня к дереву, Сабуров проворно припечатал упыря к еловому стволу и подставил к горлу зеленого чудовища длинное острое лезвие палаша. Мирон видел, что сотоварищи упыря лежат на земле, распластанные и окровавленные от его оружия. Но потихоньку их раны начинали срастаться, а отрубленные конечности притягиваться к туловищу. Сабуров понимал – у него есть всего несколько минут до того момента, как эти двое, валяющиеся на земле, восстановятся и вновь бросятся в атаку на него.

– А ну, говори, упырь, откуда ты взялся? – вымолвил грозно Мирон, вжимая лезвие палаша в слизкое зеленое горло нежити. Упырь ужасно визжал и попытался длинными лапами с острыми когтями достать до лица Мирона, чтобы выцарапать ему глаза. Его морда с длинными клыками, словно у дикого зверя, была отвратительной. Но молодой человек держал нежить крепкой сильной рукой за плечи, не позволяя ему поранить себя. – Ну, говори, а то изрублю всего!

– Дай мне твоей крови испить, смертный! – похрипел нечеловеческим басом упырь, на корявом языке, на котором разговаривали лешие и вурдалаки. Мирон понимал его и повторил свой вопрос уже на языке нежити, также низким басом, добавив:

– А ну, говори, упырь! Или голова с плеч!

Оскалившись в лицо Мирона, упырь ударил лапой молодого человека по плечу, длинными когтями пытаясь разорвать плоть человека. Кольчуга смягчила удар и спасла плечо Мирона от повреждения острыми когтями нежити. Он разозлился и вдавил лезвие палаша в горло упыря, да так, что голова оторвалась от тела на треть. Упырь закричал от боли и начал биться в руках Мирона, пиная его короткими конечностями. Один из ударов пришелся в жеребца, и тот жалобно заржал. Мирон отвел оружие от горла нежити и рукоятью палаша ударил упыря в живот, чтобы тот немного присмирел. Вновь прижав зеленое существо к дереву и, удерживая его за мохнатую шерсть рукой, так что туловище и ноги монстра болтались в воздухе, Мирон процедил на языке нежити:

– Откуда взялись вы, нечистые?!

– А ты людишек местных спроси, которые по осени убили нас, – прошипел упырь.

– Кого это вас? – задал вопрос Мирон.

– Сгинь, смертный!

– Говори, упырь! Или сейчас тебя в колодезную воду опущу, и тогда боль тебе великая будет. Тут как раз один колодец неподалеку есть!

– Нет! – взмолился упырь, зная, что колодезная проточная вода хуже ножа будет резать его зловонное тело.

– Будешь говорить? – процедил Мирон.

– Разбойниками мы были. А людишки Суздаля убили нас по осени, да тела-то наши выбросили не отпетыми в овраг, оттого мы и не можем уйти на тот свет и крови жаждем.

С силой отшвырнув от себя зеленого упыря, Мирон окликнул Василия, который также бился с одним из нежити.

– Володар! – закричал брату, позвав его боевым именем, младший Сабуров. – Тела их убиенные надо найти и сжечь! Они через них воскресают!

Василий обернулся к нему и, понятливо кивнув, выпалил:

– Я, кажись, знаю, где они. Мы, когда ехали сюда, в пролеске в полуверсте отсюда так мертвечиной воняло, что жуть! Туда поехали!

Устремив взор на упыря, который, оскалив волчьи зубы, вновь приготовился к нападению, Мирон хладнокровно велел:

– Скажи своим выродкам, чтобы перестали биться. Обещаю, что через час свободны будете! Слово даю! Знаю, как избавить вас от оков земных!

– Врешь, смертный! Я крови твоей хочу испить да мясом заесть! – прохрипел упырь и оскалился на Мирона. Сабуров же вновь сильной рукой схватил зеленую нежить за горло с неистовой силой и, подняв над землей, процедил:

– Дело говорю! Пойди прочь! Иначе свяжем вас да в колодезную воду опустим. Вот вам мука будет безмерная на веки вечные!

Упырь злорадно оскалился и выдохнул:

– У тебя час, смертный! Если не поможешь нам, так мы биться неделю с вами будем, ведь силы у нас неиссякаемые, так все равно вас раздерем, потом в город пойдем, да там всех покусаем!

Проворно отшвырнув упыря подальше от себя, да с такой силой, чтобы он хорошенько ударился о дерево и потерял сознание, Мирон громко крикнул:

– Поехали, Володар! В пролесок тот!

Спустя час Сабуровы стояли у яркого костровища, куда были скинуты шесть трупов некогда убитых разбойников. Смердный запах от горения тел распространялся на всю округу. Мирон и Василий, не морщась, мрачно смотрели на догорающие тела разбойников и молчали. В какой-то момент, не выдержав, Василий глухо возмутился:

– Что похоронить их не могли?

– Лучше бы сожгли их еще по осени, – ответил брату Мирон, не поворачивая лица и взирая на пляшущие языки пламени. – Тогда бы, догорев, их души сразу же в Ирий ушли.

– И не говори, Мирон. Глупые люди, не ведают, что творят.

Из костра вдруг вылетела душа упыря и, приблизившись к Мирону, оскалилась и прохрипела жутким голосом:

– Сдержал ты слово, смертный! Значит, твою кровь пить не буду! Прощай!

Тут же зеленый упырь превратился в зловонное зеленое облако и взмыл вверх. Мирон проследил за ним взглядом и тяжело вздохнул.

Спустя два часа, когда тела разбойников-упырей догорели и кости превратились в золу, Мирон обернулся к Василию и сказал:

– Поехали, брат, в город. Доложим воеводе, что все сделали.

Было около трех часов пополудни, когда братья приехали к дому боярина Ртищева. Отчего-то ворота были распахнуты, а вокруг на дороге толпилось много местного народу. Весть о том, что братья Сабуровы приехали биться с упырями, вмиг разлетелась по селению, и горожане, горляня, ждали возвращения молодых людей.

Мирон и Василий, уже сняв кольчужные доспехи и шлемы, в одних только темных кафтаных с непокрытыми головами, остановили коней у распахнутых ворот. Крикнули одного из мальчишек. Мирон велел ему позвать воеводу. Преодолев живую изгородь из расступившихся

людей, Сабуровы приблизились к дому воеводы и остались стоять у белокаменной лестницы. В это время все пришедшие жители притихли и с интересом рассматривали братьев Сабуровых. Все ожидали воеводу. Когда Никанор Романович вышел во двор к молодым опричникам, Мирон громко во всеуслышание заявил:

– С упырями покончено. Более они вас не побеспокоят. Сожгли мы их тела час назад, и души их ушли к предкам.

– А вы сами-то не пострадали, братцы? – выкрикнул кто-то из горожан.

– Нет. Живы, здоровы! – ответил Василий, подмигивая стоящей неподалеку румяной девушке с длинной светлой косой.

После этого жители начали громко благодарить опричников, желая им доброго здоровья. Некоторые дородные мужики-горожане, похожие на купцов, даже похлопали молодых людей по спине и обняли их в знак братания. Воевода, довольный и румяный, пригласил Сабуровых вновь к себе на трапезу, однако Мирон вежливо, но твердо отказался, заявив, что им с братом нужно возвращаться на службу. Этому воевода противиться не стал, а только тихо велел:

– Вы, Мирон Иванович, зайдите в дом. Сочтемся, как я и обещался.

Прекрасно понимая, что воевода намерен отблагодарить их, молодой человек прошел за ним по высокой лестнице в дом. Получив из рук Ртищева довольно увесистый мешочек с серебряными копейками, молодой человек чуть оскалился и сказал:

– Благодарствую, Никанор Романович. Куплю новое седло да сбрую для коня своего, а то моя совсем худая стала.

– Добро. Будете проездом в Суздале, обязательно ко мне на двор заезжайте, приму вас с братцем, как гостей дорогих, – добавил воевода, похлопав Мирона по плечу.

– Может, и заедем, коли дорога будет, – кивнул Мирон и, видя, как дворовые слуги глядят на них со стороны хозяйственных комнат, столпившись в проходе, уже тише, чтобы никто не слышал, добавил: – Упыри-то те были людишки лихие, которых ваши солдаты убили, а хоронить не стали. Вот они и шастали неприкаянные. Совет вам дам. В следующий раз хороните всех, как надобно, или сжигайте. Не смотрите, что разбойник или нехристь, вам же в городе спокойнее будет. Души-то, они у всех души. Да и прибрать там в лесу надо, останки людей везде валяются. Как бы опять упыри не завелись.

– Понял я, Мирон Иванович. Спасибо вам за помощь.

Мирон вышел на улицу и отметил, что горожане так и не расходятся со двора воеводы. Все оживленно обсуждали упырей и, видимо, их с Василием. Брат же его стоял рядом с некой румяной девицей, с которой перемигивался полчаса назад, и что-то говорил ей. Девица в синем сарафане крутила пальцами конец косы и смущенно кокетливо бросала на Василия взоры и улыбалась. Мирон направился к своему коню и, проходя мимо брата, хлопнул его по плечу.

– Опять девкам зубы заговариваешь? – беззлобно спросил Мирон Василия и, уже обращаясь к девице, сказал: – Он ведь не только до упырей охоч, но еще и до девок. Смотри, одурачит тебя.

Девица вмиг перестала улыбаться и принялась переводить непонимающий взгляд то с Мирона на Василия, то обратно.

– Да ты что, Мирон! – выпалил Василий. – Не слушайте его, Ульяна Ильинична.

– Поехали, – велел Мирон. – Воевода три рубля серебром дал. К упряжнику заедем, сбрую да седла новые купим.

Василий быстро распрощался со своей новой знакомой и поспешил за братом.

В толпе возбужденно говорящих горожан и зевак, которые толпились во дворе и на улице возле ворот воеводы, стояла молоденькая девушка с длинной темной косой. С интересом следя за всем происходящим, она вдруг обратилась к старику-ремесленнику:

– А что, дедушка, случилось? Отчего вы так благодарите этих опричников?

– Дак они упырей лесных извели, которых жуть как все боялись.

– Упырей? – опешила девушка и округлила яркие глаза.

– А ты что, девка, не знала, что нежить-то у нас на дороге Ростовской водится?

– Нет, дедушка. Я не местная, из соседнего села. К бабке одной за снадобьем приходила.

– А, ну тогда понятно, отчего не знаешь. Наш воевода специально Мирона Сабурова из Москвы вызвал, чтобы он разобрался тут. Так они с братцем молодцы, за полдня все и сделали. Теперь упырей нет, и все хорошо.

– А что, этот Сабуров – такой умелый вояка? – не унималась девушка.

– Еще какой. Он, почитай, самый умелый из сотни волчьей, которая за нечистью гоняется. Прошлой весной только Мирону Сабурову удалось изловить в Новгороде вредную колдунью, которая воду в реке травила, а людишки болели от этого язвами всякими.

– А куда они сейчас путь держат?

– Дак, к царю батюшке. Они в войске опричников состоят, личные охранники царя и семейства его, – сказал старик и, как-то подозрительно взглянув на девушку, спросил: – А че это ты, девка, все выпрашиваешь-то?

– А я, дедушка, люблю всякие сказки слушать. А вы так чудесно рассказываете про упырей и другое.

– Это не сказки, девка, это быль.

– Спасибо, что объяснили, дедушка, пойду я.

Девушка засуетилась и уже через миг исчезла в толпе. Старик проводил ее стройную невысокую фигурку в темном плаще прищуренным взглядом и сплюнул на землю.

Сабуровы приблизились к своим привязанным лошадям, и дворовый мальчишка услужливо подал им короткие плетки. Мирон поблагодарил и, расправляя вожжи, запутанные в черной гриве жеребца, искоса посмотрел на брата.

– Видел бы старец Радогор, как ты девкам приветы расточаешь. Враз бы выгнал тебя из монастыря, – тихо бросил Мирон через плечо, намекая на то, что все витязи, которые состояли в «Волчьей сотне», на время службы давали обет целомудрия и не могли ни жениться, ни завести семью. Потому что их наставники, семь старцев-монахов, полагали, что женатые витязи не смогут достичь совершенства в изучении тайных знаний и военных умений.

– А откуда он узнает? Ты расскажешь? – надулся Василий, оправляя седло у своего коня, и добавил: – Служба когда-нибудь кончится. А я пока жену подыщу. Я же не ты, бирюк бесчувственный. Вообще не пойму, отчего на тебя девки смотрят, когда тебе они вовсе не нужны. У тебя одни игры с оружием на уме.

– Завидуешь, что ли? – по-доброму оскалился Мирон, умело вскочив в седло.

Василий промолчал на это заявление брата. Мирон же, отметив, что Василий также взобрался на коня, поднял руку, чтобы горожане обратили на него внимание, и громко произнес:

– Прощайте, люди добрые. Дай Бог, еще свидимся!

Понукая своих жеребцов, Сабуровы стремглав выехали со двора воеводы и, пустив коней в галоп, устремились по мокрой дороге.

Глава III. Царица

Пригород Москвы, Саввино-Сторожевской
тайный мужской монастырь,
1572 год, 18 мая

Едва завернув за угол невысокой деревянной бани, которая располагалась в череде бань у восточной части каменного забора, Мирон резко остановился. Перед ним предстал старец Радогор. Облаченный в простое монашеское одеяние, в схиму, с корявой палкой, на которую опирался, старец вскинул на молодого человека цепкий взор и строго вымолвил:

– Тебе же велено сегодня к покоям царицы явиться, Мирон. Почему до сих пор здесь?

– Я собирался ехать туда, отче, – ответил Мирон, нахмурившись и стараясь отвести глаза, ощущая себя неловко. Уважение и бескрайнее доверие к старцу Радогору глубоко сидели в сердце Мирона.

– Ступай немедленно! – чуть повышая голос, велел старец. – Не дай Бог, царь узнает, что новоявленная царица без охраны!

– Да не привык я по теремам женским слоняться. Мне бы в поле куда, да в сечу, побиться с нечистью какой.

– Прекрати. И ступай, куда велено.

– Иду, отче, – тихо ответил Мирон и, развернувшись, направился в сторону конюшен.

– Иди уже, мальчишка, – произнес тихо ему вслед старец, провожая высокую, широкоплечую фигуру молодого человека строгим взглядом. – Теперь главное – царицу в животе сохранить...

Александровская слобода,
резиденция царя Ивана IV Грозного
1572 год, 18 мая

Последние красноватые лучи заходящего солнца озаряли дымчатое небо, когда Мирон въехал на своем вороном жеребце в слободу. Направляя коня по пыльной дороге в сторону Александровского кремля, который виднелся вдалеке, Сабуров не мог отделаться от гнетущих мыслей. Сегодня он нес службу на царском дворе, и эта служба была ему не по душе. Дозор, как охранника у покоев государыни, в женском тереме выпадал несколько раз в месяц каждому из ратников-волков, как называли себя между собой воины «Волчьей сотни». Но Мирона эта служба особенно тяготила. Более по душе ему было сопровождение царского семейства на богомолье в один из монастырей или в путешествии в другой город. Но он не мог послушаться и не явиться в распоряжение царского воеводы, ибо об охране царицы Иван IV просил лично старца Радогора.

Последние семь лет царь Иван Васильевич в Москве не жил. Устав от произвола бояр и дворян, которые не только «тащили» царскую казну, но и «измены делали», царь поселился в Александровской слободе, которая находилась в сотне верст от Москвы.

Построенный еще его отцом, Василием III, в 1513 году, как загородная резиденция для царского семейства, в эту пору Александровский дворец являл собой белокаменный кремль. Деревянные укрепления, возведенные еще при его отце, Иван Васильевич велел выложить кирпичом от земли до бойниц. И сейчас белокаменный дворец-кремль, опоясанный по периметру неприступной стеной ограждением, красовался высокими башнями и церквями, теремами-дворцами царя и царицы, конюшенным двором.

В описываемые нами времена Александровская слобода стала фактически новой столицей Руси, и ее доходы стояли на первом месте среди других русских городов.

На территории Александровской слободы располагались и царская книгописная палата, и печатная мастерская, выпускающая книги, и монетный двор. В слободе находились боярская дума, с преданными царю дворянами-боярами, и основные государственные учреждения – приказы, в ведение которых входило управление всеми сферами жизни государства от военных до ремесленных дел. Сюда прибывали посольства и послы из других стран, здесь царем Иваном принимались законы, подписывались указы, именно здесь была утверждена опричина.

Около десяти вечера Мирон сменил предыдущего опричника у дверей царицы. Едва заняв свой пост, он невольно вздохнул и, чуть прислонившись к стене у дверей покоев государыни, приготовился к скучной бессонной ночи.

– И что это за служба у бабских спален? – бубнил сам себе по нос Мирон, вынув из ножен длинный клинок, внимательно рассматривая его. Он достал из-за пазухи шелковый лоскут ткани и начал с любовью протирать холодное оружие, чтобы хоть как-то занять себя.

Вот уже две недели, как царь Иван Васильевич в третий раз обвенчался. Невесту, выбранную через смотр, звали Марфой, и происходила она из неизвестного боярского рода Собакиных. Две предыдущие супруги царя Ивана умерли непонятым образом. Молодые и без видимых болезней, они просто начинали чахнуть, а через несколько недель их находили мертвыми. Царь, который жаждал иметь множество наследников, подозревал, что цариц изводят специально, чтобы он не оставил после себя потомства, а русский престол перешел бы в управление другого, не менее знатного русского боярского рода. Тайный заговор бояр против него и его семейства чудился царю постоянно, и с целью напугать и найти всех предателей Иван IV создал армию опричников, которые и должны были выявлять неблагонадежных бояр, жаждущих поменять престолонаследие на Руси.

Оттого, женившись в третий раз, царь безумно опасался за жизнь новоявленной девятнадцатилетней супруги, именно поэтому перед ее горницами еще за два месяца до свадьбы, когда она переселилась в царский терем, Иван Васильевич приказал поставить охрану, чтобы никто чужой не имел ходу до царицы Марфы.

Закончив с ножом, Мирон убрал его и невидящим взором уставился в противоположную стену, размышляя, как лучше показать определенный удар с уложением на землю противника своему новому ученику, парнишке четырнадцати лет, которого поручили ему месяц назад.

Уже через час невыносимой службы, состоящей только из охраны двери, в которую никто не входил и не выходил, молодой человек прислонился к стене плечом. Стемнело, и в царских хоромы стало совсем тихо. Уже никто не ходил по коридорам, и было пустынно. Служба же Мирона заканчивалась лишь завтра днем. Сильнее привалившись к стене, он расслабился и чуть прикрыл глаза, ощущая, как после многочасовой вечерней тренировки с мечом в монастыре мышцы устали и просили покоя. Он сильнее сомкнул глаза, воображая и вспоминая свое детство, когда матушка брала его на руки и с любовью укачивала на своих коленях, пока он не засыпал.

Проснулся он резко, около полуночи, от некоего дуновения воздуха. Ни шороха, ни звука не было слышно, лишь невнятный порыв воздуха задел его лицо. Распахнув глаза, Мирон ошеловленным от сна взором заметил край черной сутаны или плаща, который стремительно скрылся за поворотом коридора. Всего миг – и незнакомец или знакомка в темном одеянии исчез в темноте.

– Эй! Кто здесь?! – воскликнул низким хриплым ото сна голосом Мирон и, быстро сжав руку на рукоятке ножа, устремился в сторону темного поворота, где только что скрылся человек. Он резко повернул за угол и тут же столкнулся нос к носу с седовласым дворянином.

Явно напугав своей горячностью окольного, следовавшего по терему, Мирон остановился как вкопанный и, удивленно уставившись взглядом на знакомое лицо, выдохнул:

– Батюшка! Это вы?

Дворянин, одетый в длинный, почти до пола темно-зеленый кафтан, вышитый по краям серебряной нитью, в короткие красные сапоги, с окладистой бородой и добрыми светлыми глазами, удивленно посмотрел на молодого человека и сказал:

– Ты это отчего, Миронушка, бегаешь? Тебе, насколько я знаю, велено у покоев царицы стеречь.

Отец Мирона, Иван Михайлович Сабуров, окольный Ивана Васильевича, состоял в совете Боярской думы и безвылазно находился при царе.

– Батюшка, простите, а вы здесь никого не видели сейчас? – задал вопрос Мирон, заглядывая за спину отца и пытаясь хоть что-то рассмотреть во мраке узкого коридора. Большие свечи, вставленные в железные подсвечники, закрепленные на стенах, находились на большом расстоянии друг от друга и оттого давали мало света. Молодой человек не увидел ничего подозрительного и, не удержавшись, спросил отца: – Некого человека? В черном плаще?

– Нет, не видел.

– Странно, – задумался Мирон. – Может, мне привиделось спросенок?

– Ох, выдумщик, – с любовью заметил Иван Михайлович Сабуров и, обойдя сына, прошествовал к покоям царицы. Мирон последовал за ним. – Я к царице. Мне поговорить с нею надобно. Царь желает узнать о ее здоровье.

– Да, конечно, проходите, батюшка, – произнес Мирон, поклонившись ему. Он услужливо открыл перед отцом дверь в покои царицы, отметив, что в первой горнице, которая предваряла покои государыни, находятся несколько сенных девок, старица и мать царицы Марфы. Кивнув русой головой в знак приветствия всем женщинам, Мирон быстро закрыл двери, отметив, как отец вошел в спальню царицы.

Старый Сабуров вышел спустя полчаса в хмуром расположении духа, словно о чем-то напряженно размышляя.

– Царица-то совсем плоха, – вымолвил невольно себе под нос Иван Михайлович и, не обращая внимания на сына, прошел мимо него, пробубнив: – Как бы не преставилась она, горемычная...

– Что вы сказали, батюшка? – спросил его Мирон, следя за ним.

Старший Сабуров, как будто очнулся от своих дум и, обратив взор на младшего сына, раздраженно заметил:

– Не твоего ума дело, Мирон. Ты воин царя, вот и неси свою службу, как велено.

– Простите, батюшка.

Окольный приблизился к молодому человеку, поднял руку и, благословив сына крестным знаменем, велел:

– Не забудь на днях матушку проведать. Уж больно она печалится о тебе. Давно ты не был у нас.

– Непременно заеду, – кивнул Мирон. Будучи одним из самых бесстрашных и суровых воинов, Мирон Сабуров в то же время еще с детства до судороги в ногах боялся и уважал своего отца. Оттого с неким благоговением вымолвил вслед родителю, который уже направился по едва освещенному коридору. – Доброго здравия вам, батюшка!

Услышав реплику сына, Иван Михайлович замедлил шаг, а затем, даже не обернувшись, последовал дальше.

Именно в этот момент двери, ведущие в покои царицы, распахнулись, и в коридор выбежала одна из сенных девок царицы.

– Помогите! Помогите! Царице плохо! – заголосила она.

Вмиг обернувшись на истеричные выкрики девицы, Мирон и Иван Михайлович стремительно последовали в спальню Марфы Васильевны.

Нечленораздельный стон царицы вновь наполнил комнату, когда они вошли, и Марфа Васильевна неистово изогнулась на постели, судорожно хватаясь руками за покрывало. За ними в небольшую полутемную спальню вбежали мать царицы и другие сенные девки. Обступив Марфу вокруг, все с испугом смотрели на нее. Светловолосая, белая, словно полотно, царица изгибалась на постели, корчилась в муках и жутко стонала. Ее рубашка и распущенные светлые волосы намокли от пота.

Мирон первым бросился к молодой царице и наклонился над нею, пытаясь рассмотреть и понять, что происходит.

– Что с вами, государыня? – спросил взволнованно он.

Царица провела по молодому человеку невидящим болезненным взором и вновь начала неистово корчиться на постели, словно ее кто-то мучил. Мирон попытался удержать ее, чтобы она нечаянно не упала на пол, с силой схватив за плечи. Она как будто задыхалась и смотрела на него дикими, красными от боли глазами. Лицо и шею царицы покрывали неестественные красные шероховатые пятна, и Мирон невольно скользнул взглядом по небольшим жемчужным серьгам, единственному украшению, которое было на царице. Марфа вновь судорожно скорчилась и жутко прохрипела. В следующий миг она замерла и безжизненно обмякла, упав на постель и прикрыв глаза. На ее губах выступила кровавая пена.

– Отравлена! – выпалил невольно Мирон и отшатнулся от царицы, отпустив ее плечи. Кровавая пена, смертельная бледность и страшные красные пятна, покрывающие ее горло и руки, а также красные белки глаз, которые он увидел ранее, подтверждали его чудовищную догадку.

– Пречистая Богородица! – выкрикнула в ужасе одна из сенных девок.

Мирон перевел взгляд на девицу и невольно заметил сбоку неясный отсвет. Резко повернув голову к подножью кровати царицы, молодой человек похолодел. У постели, в ногах ложа, стояла прозрачная фигура царицы в белых одеждах, с неясными очертаниями. Со спокойным лицом и распущенными волосами, недвижимая, она была похожа на прекрасную статую. Мирон осознал, что это душа царицы и она уже отошла от тела. Понимая, что царица умерла, раз ее душа оказалась отдельно от тела, Мирон медленно выпрямился, уставившись на призрак. Он отметил, что более никто, кроме него, не видит призрак – душу Марфы. Душа царицы обратила на него взор и пропела приятным голосом:

– Проклятый ангел все знает...

Призрак сделал ударение именно на первый слог в слове «проклятый», пытаясь, видимо, уточнить значение слова. Мирон понимал, что, опять же, слова призрака слышит только он, ибо и его отец, и бабы с девицами, которые толпились у постели, стояли, замерев над телом царицы, даже не смотря в сторону призрака. Дикими глазами, взирая на неподвижную прозрачную душу Марфы, Мирон одними губами, чтобы никто не услышал, прошептал:

– Проклятый ангел?

Призрак, душа царицы, медленно кивнул и чуть прикрыл глаза в знак согласия. Привидение быстро развернулось и устремилось прочь, взмыв вверх, и уже через минуту исчезло.

– Преставилась! – громко произнес Мирон и услышал, как окружающие: мать царицы и сенные девки, – истошно заголосили и запричитали. Окольничий Иван Михайлович же замер у изголовья кровати, словно не мог поверить во все происходящее.

– Иван Сабуров отравил царицу! – вдруг дико вскричала старица, которая находилась при матери Марфы Васильевны.

Стремительно развернувшись и вперив убийственный взор в сухую неприятную старуху, Мирон смертельно побледнел.

– Да ты что, спятила, старая?! – прохрипел молодой человек, испепеляя серым взглядом старицу, которая дрожащей рукой указывала на его отца и вся тряслась.

Иван Михайлович стоял с бледным каменным лицом и смотрел на всех окружающих. Ни одно слово не слетело с его уст...

В тот же день окольный Иван Сабуров, отец Мирона, был арестован. На основании того, что был последним, кто видел царицу до смертельного приступа, Ивана Михайловича обвинили в государственной измене и в отравлении государыни. По указу взбешенного царя Сабурова-старшего заточили в самую страшную тюрьму Москвы, посадив в «каменный мешок», камеру, вырытую в земле, промозглую, влажную и темную. В этом жутком «мешке» человек мог прожить не более полугода, медленно умирая.

Мирона и Василия Сабуровых спасло от опалы и ареста только заступничество старца Радогора, который на коленях несколько часов убеждал царя Ивана Васильевича в невиновности молодых людей и в том, что они не были в сговоре со своим отцом. Лишь благодаря этому, Мирон и Василий остались на свободе. Но по царскому указу им навсегда запретили появляться не только в Александровской слободе, но и перед очами государя.

Ивана Михайловича Сабурова приговорили к пожизненному заточению, и спасти его могло только чудо...

Глава IV. Пес

Москва, Пушкарская слобода
1572 год, 20 мая

– Куда прешь, чумовой! – закричал истошно мужик с телеги, когда вороной жеребец Сабурова почти налетел на серую кобылу, которая тяжело тянула телегу с пушечными ядрами.

Кобыла испуганно заржала, потому что конь Мирона со всей силы лягнул ее копытами по боку. Резко осадив вороного, Мирон пришел в себя. Пребывая в своих мрачных думах, он гнал коня галопом, не разбирая дороги, и не увидел телегу, которая пересекала ему путь. Сабуров проворно отвел своего коня в сторону, пропуская повозку с грузом.

– Прости, сердешный, не заметил, – произнес хмуρο Мирон, обращаясь к вознице.

Мужик как-то зло зыркнул на молодого человека и начал стегать кобылу, чтобы та тянула воз дальше.

– Нету управы на вас, душегубов! Псы царские! – выплюнул мужик в лицо молодого человека, проехав на телеге мимо всадника.

Слова его задели Сабурова, но на его душе было так гадко и тошно, что он промолчал, не желая связываться с этим злым мужиком, которому, видимо, не понравился его вид опричника в черном коротком кафтане и темных сапогах.

Телега наконец проехала, и Мирон, потрепав коня по холке, чуть надавил каблуками сапог на его бока и направил вороного дальше в сторону Белого города. Там, в центральной части Москвы, располагались дворы и усадьбы самых родовитых и богатых бояр и дворян. Сабурову предстояла незавидная участь – он должен был сообщить матушке и сестрам о печальной доле, которая постигла отца. Мирон был вторым сыном в большом семействе Сабуровых. Кроме него, отец с матерью родили еще двух сыновей и трех дочерей. К этому времени в живых остались только они с Василием и две сестренки, десяти и тринадцати лет.

Погоня ногами жеребца, Мирон скакал дальше, невольно взирая по сторонам. Он видел, как практически во всех дворах, простых и побогаче, идет строительство. Зеленые деревья и кустарники, выжившие после страшного пожара, прикрывали некоторые еще не тронутые пепелища, и обозримая картина не была такой плачевной, как прошедшей зимой. Новые деревянные хоромы с теремами и избы красовались уже почти повсюду, и жители города потихоньку втягивались в привычное жизненное русло. Однако окружающие картины навевали на Мирона трагичные и жуткие воспоминания о прошлом годе.

Тогда, в мае 1571 года, на Москву был совершен набег крымского хана Девлет-Гирея. Это был карательный поход с целью захватить ясырей, пленных, которых угоняли в рабство. Царские военные походы царя Ивана IV на Казанское ханство с целью его завоевания и порабощения уже давно раздражали крымских ханов, а долгое отсутствие «поминок» – дани в виде денег и пушнины – вконец разозлило царствующего крымского хана Гирея.

Хитростью обойдя оборонительные русские войска, которые ждали его под Серпуховом, хан Девлет-Гирей со своим сорокатысячным войском приблизился к Москве со стороны Угры, до этого переправившись через Оку. Разбив немногочисленный пограничный отряд воеводы Волынского, крымский хан направился к пригородным посадкам и усадьбам, окружавшим Москву. Убивая, грабя и поджигая села и деревни, крымское войско устремилось к городу. К этому времени основные войска русских также ворвались в Москву, обороняя ее. В ходе ожесточенного боя войска хана оттеснили русских. Но к этому времени огонь с окрестных посадков, которые крымские янычары запалили еще ранее, перекинулся на Москву. Деревянный город запылал и полностью сгорел дотла за несколько часов. Единственным безопасным

местом остался каменный кремль. Бегущие от пожарища горожане, пытаясь укрыться от огня у Москвы-реки, создали страшную давку, в которой погибло множество народу.

Видя полыхающий город, хан Девлет-Гирей решил его не штурмовать, а направился по рязанской дороге домой, по пути опустошая и грабя окрестные земли и уводя за собой многочисленных пленных...

Итогом этого дикого, разрушительного набега крымского хана и чудовищного пожарища стали около сотни тысяч русских воинов, погибших от ран в бою, тысячи горожан, сгоревших и задохнувшихся в пожаре, семьдесят тысяч русичей, угнанных ханом в рабство. В самой Москве трупов было так много, что их скидывали прямо в реку, ибо хоронили только тех, у кого остались родные.

Мирон и Василий Сабуровы в числе опричного войска Василия Темкина также бились с ханскими янычарами, бок о бок с другими русскими войсками. Тот бой был жуткий и кровопролитный. И много часов подряд Сабуровы рубились с неприятелем на Васильевском лугу и окраинах города, но русские проиграли ту битву.

Трагедии и смерти в тот страшный день не обошли стороной и семейство Сабуровых. Старшая дочь окольного и сестра Мирона и Василия, Ольга, была насмерть зарублена прямо на улице одним из янычар, когда возвращалась из церкви. Боярыня, мать Мирона, с тремя младшими детьми, едва завидев ворвавшихся в город ханских воинов, пыталась укрыться в своей усадьбе вместе с дворовыми людьми. Но, когда начался жуткий пожар, который стремительно захватил весь Белый город, они вынуждены были бежать со всеми горожанами в ближайшее поле. Однако, покидая горящий терем, младший брат Мирона, восьмилетний Данилка провалился в полыхающий погреб и погиб.

Усадьба Сабуровых сгорела не полностью. Остались стены главных хором, потому что были каменными, и еще две каменные хозяйственные постройки. Остальное добро было спалено дотла. Удалось спасти всего несколько лошадей, остальные задохнулись от дыма в конюшне. В живых осталась только половина дворовых людей. Но эти трагедии были не такими ужасными, как во дворах и усадьбах других горожан.

Тот май Мирон страшился вспоминать. Он и Василий винили в смерти сестры и брата себя. Старшие Сабуровы думали о том, что если бы они смогли приехать и защитить своих родных во время набега, то, возможно, Данилка и Ольга остались бы живы. Но время было не повернуть вспять, и оттого утешить матушку и осушить ее слезы оказалось им не под силу. Почти за год она не оправилась от смерти детей, а теперь Мирон ехал к ней с новым трагичным известием о заточении мужа.

Проезжая по одной из улиц, он невольно заметил ватагу мальчишек, которые мучали пса. Короткой веревкой привязав животное за шею к столбу, мальчишки семи-десяти лет стегали его короткими плетками, что-то громко крича. Пес серой масти, довольно большой, пытался увернуться от плетей и жалобно выл, когда кожаные ремни били его по мохнатым бокам. Не в силах смотреть на это изуверство, Сабуров направил коня прямо к мальчишкам.

– А-ну отпустите пса! – выпалил Мирон, подъезжая, и, резко осадив коня, процедил: – Вот поганцы!

Увидев грозного всадника в одеянии опричника, остановившегося рядом с ними, мальчишки перестали быть животное и с испугом посмотрели на Сабурова, который быстро спешился.

– Зачем вы его истязаете? – спросил Мирон, грозно сверкая на них глазами. Пес, угадав передышку, упал на землю, пытаясь отдышаться от боли.

– А это волк! Он куриц хотел украсть! – вымолвил один из мальчишек.

– Какой же это волк? – опешил Мирон, смотря на серого большого пса с темными умными глазами. – А даже если и волк, что с того? Отпустите его!

– Ага, а он опять к нам заберется, – добавил второй.

– Дак, он голодный, поди, дайте ему поесть, и все, – предложил Мирон.

– Нет. Мамка сказала не давать ему ничего и прогнать, – добавил третий мальчишка.

Окатив негодников предостерегающим взглядом, Сабуров обратил взор на пса, который, окровавленный, лежал на земле и тяжело дышал. Глаза пса, умные и большие, молили его о чем-то и вызвали в душе Мирона трепетное чувство жалости к этому существу.

Сабуров знал, что не может взять пса с собой, так как старцы никогда бы не позволили держать собаку в монастыре, но также понимал, что оставь он пса здесь – того просто забьют до смерти. Он не мог отдать животное на расправу этим глупым мальчишкам. Приняв решение, Мирон наклонился и быстрым движением ножа перерезал веревку, которая удерживала животное. Присев на корточки перед псом, молодой человек тихо вымолвил:

– Пойдешь со мной?

Мирон немного владел умением чувствовать и понимать животных и настраиваться на их волну. Этому учил его старец Лесьяр в монастыре. Но высшего совершенства, говорить на языках многих животных, Мирон еще не достиг. Этими знаниями владел в их монастыре только старец Лесьяр. И Сабуров сейчас пожалел, что не уделял должного внимания занятиям по тайному умению – говорить на языке живности. Однако кое-что он все же знал. Оттого протянул к зверю руку и положил свою большую теплую ладонь на загривок пса и, чуть прищурившись, начал мысленно говорить с ним, убеждая его поехать с ним. Мирон осознавал, что пес уличный и наверняка дикий, он вполне мог укусить. Но именно нужное внушение о том, что он его друг, могло успокоить пса и сделать ручным. Непосредственно этим умением Мирон часто пользовался, говоря со своим жеребцом. Он убеждающе и по-доброму смотрел прямо в темные глаза пса и мысленно увещевал.

Пес взирал на него в ответ своими внимательными глазами. Вдруг он дернулся и лизнул вторую кисть Мирона, которая лежала на согнутой коленке молодого человека. Подав голос, пес попытался встать. Но ослабленные израненные лапы подвели его, и он вновь упал на землю. Молодой человек облегченно вздохнул, поняв, что пес согласился идти с ним. Мирон бережно взял его на руки и поднялся на ноги. Выпрямившись, Сабуров направился к своему жеребцу, через плечо кинув мальчишкам:

– Могли бы сделать его своим другом. А вам куска хлеба жалко...

Москва, Саввино-Сторожевский
тайный мужской монастырь,
1572 год, 21 мая

В монастырь Мирон вернулся только на следующий день, ближе к вечеру. Пробыв в тереме у матушки и двух сестриц около суток, он все еще был под гнетущим впечатлением. Плач и слезы трех родных женщин, да еще и вкупе со стенаниями сенных крепостных девиц, были для его психики тяжелым испытанием. Да, Мирон тоже глубоко в сердце переживал за отца и, возможно, даже больше, чем все эти бабы с их слезами, но не показывал этого, стараясь быть сильным и держать разум свободным от жажды мести или необдуманных поступков. Теперь ему надо было сосредоточиться и думать, как помочь отцу, а дома, рядом с матерью и сестрицами, он этого сделать не мог. Почти сбежав из родительской усадьбы сегодня после полудня в монастырь, Мирон наконец-то свободно вздохнул.

Он привез пса с собой. Дворовая знахарка матушки немного полечила его вчера и промыла раны. Но пес до сих пор не поднимался на лапы, и ему явно нужны были уход и еда. Оттого, несмотря на предполагаемое недовольство старцев монастыря, молодой человек все же решил взять пса с собой. Мирон намеревался как можно скорее найти Василия, чтобы он осмотрел страдальца и полечил его своими мазями. У него было всего полчаса до занятий у

старца Светослава, который неистово лютовал, если кто-то не приходил или опаздывал на его обучение.

Оставив пса в своей келье, Мирон вышел в боковой правый двор монастыря. Оглядевшись, безразлично прошелся взором по двум дюжинам парнишек лет двенадцати, которые резвились на дворе под руководством старца Онагоста, отвечающего за боевую военную подготовку витязей. Старец Онагост не очень-то походил на старца. Семидесятилетний, моложавый, с сухой невысокой фигурой, с короткой бородой, он был одет в короткий легкий кафтан, штаны и сапоги, без головного убора. Стоял рядом с мальчишками, понукая их окриками и наставлениями. На поясе старца красовался всего один нож, и этого ему было достаточно, потому как Мирон знал, что старец Онагост владеет такими техниками ведения боя, в которых даже безоружным можно выиграть в схватке с несколькими вооруженными противниками.

Мальчишки были новобранцы, которых привезли в монастырь всего два месяца назад. Теперь у них шла игра-бой «стенка на стенку», где каждый отряд из дюжины человек должен был вытеснить своих противников за условную черту, проведенную палкой на пыльной земле. Мальчишки с силой наваливались на противников, нанося удары противоположным бойцам, ударяя только по телу и рукам. Ударять в лицо и бить ногами категорически запрещалось. За это боец выводился из строя, и отряд получал недовольные окрики от старца Онагоста, который руководил всем этим действием.

Мирон знал, что через две недели эти новобранцы будут подвергнуты очень суровому испытанию, называемому «соляренный солнцеворот», и лишь несколько из них, пройдя эту проверку, состоящую из нескольких десятков трудных заданий, смогут преодолеть себя и выполнить все, что им будет велено. И только эти несколько получают от волхвов-старцев новое боевое имя и право на дальнейшие тренировки духа и тела в тайном монастыре. А после двухлетней подготовки вступят в ряды их «Волчьей сотни». Сначала учась под руководством более опытного напарника, потом, возможно, и сами станут ведущими.

Многие воины так и оставались запасными или подручными, ибо более определенного уровня мастерства в магии и ратном деле не могли достигнуть. Но они всегда были верными помощниками и союзниками более опытных витязей. Таким оказался, например, его брат Василий, который был старше Мирона на три года, но все же более знал заговоры и травы, чем ратное дело. Оттого именно Мирон, которому едва исполнилось двадцать два года, был вожаком в их двойке, принимал стратегические и боевые решения и очень часто положительный исход боя с нечистью зависел именно от него, Мирона. Однако в битве помощники все же становились сильным подспорьем более опытным воинам. Да, они были менее умелыми, но все же даже самые слабые витязи из «волчьей сотни» на голову превосходили в ратном мастерстве любого царского опричника или стрельца.

Глава V. Волчья сотня

Мирон получил свое боевое имя в четырнадцать лет. До этого он и не знал про тайный монастырь, где воспитывалась сотня воинов-ратников. И ранее несколько лет подряд состоял в дружине у своего двоюродного дяди в Муроме, куда в одиннадцать лет его отправил отец, как буйного и неуправляемого мальчонку, который бредил войной. Под предводительством дяди, умелого витязя, который повидал не одну сечу, Мирон достиг совершенства в бою. Попав же в тайный монастырь, начал заниматься больше своим боевым духом и тайными знаниями, такими, как медитация, гипноз и энергия.

В четырнадцать лет пройдя обряд имянаречения, он получил имя Мечислав, что означало «Славный меч». Его боевое имя знали только трое: брат и старцы Радогор и Онагост. Будучи толковым, выносливым и имея задатки к обучению магическим способностям, Мирон быстро выбился в самые искусные ученики монастыря, став любимцем настоятеля, старца Радогора. Самым таинственным знаниям и умениям Радогор лично обучал только некоторых ратников-волков. В их числе был и Мирон. Уже спустя год Мирон получил свое первое дело по выслеживанию тайных лазутчиков крымского хана и их устранению. Сабуров в числе пяти бойцов с блеском выполнил порученное им задание, разделавшись с дюжиной ханских лазутчиков, и одного им удалось даже взять в плен.

Теперь «Волчья сотня» насчитывала восемьдесят ратников, потеряв в последнем сражении за Москву в прошлом году почти двадцать товарищей. Да, воины сотни могли сражаться сразу с несколькими противниками, в чем была немалая заслуга старцев монастыря, и один ратник-волк стоил нескольких стрельцов или опричников царя, но все же и они понесли потери.

Сейчас в тайном монастыре за обучением и наставлением восьмидесяти воинов следили семь старцев-монахов. Все они были уже в годах, и самому молодому миновало семьдесят. Каждый из старцев владел определенным слоем древних знаний и практических навыков в той или иной сфере и обучал этому витязей сотни. Так же на территории монастыря проживали старый мельник, кузнец и поп.

Пройдя до первой конюшни, Мирон замедлил шаг, высматривая глазами брата Василия. Но его не было видно на дворе. В этот момент к нему подбежал взбудораженный мальчонка, видимо, один из тех, которые чуть ранее бодались «стенка на стенку». И, почти налетев на высокого Мирона, выпалил:

– Мирон Иванович, мы верх одержали!

– Чего кричишь, как сорока? – осадил паренька Сабуров, поморщившись. У Мирона на душе скребли кошки, и детская радость мальчишки раздражала его.

– Простите, – тут же сдулся парень и, подняв глаза на Мирона, который в этот миг опрашивал на поясе длинный нож, сказал: – Я бы хотел попросить вас кое о чем, Мирон Иванович.

– Да? – спросил Мирон, бросив взор на парня.

– Все старцы и мудрый Радогор говорят, что вы самый умелый и сильный среди братьев.

– Врут они все, – хмыкнул Сабуров и, вытянув руку, показал парнишке страшный шрам на запястье левой руки и мизинец с отрубленной фалангой. – Был бы умел, не красовался бы таким.

– И все же! – не унимался мальчик, устремив на суровое обветренное лицо Мирона свои ясные голубые глаза. – Мне помощь ваша нужна, вернее, подсказка.

– Да говори уже, не томи, – выпалил Мирон. Мальчик довольно улыбнулся тому, что неприступный суровый Сабуров не только продолжил с ним говорить, но и согласился помочь.

– Через три дня у нас испытания будут в лесу. На этого, как его, – мальчик замялся, подбирая забытое слово. – Ну, лежать надо тайно.

– Пластуна? – помог ему Мирон, прочитав мысли мальчонки. Иногда, когда перед ним была совсем чистая душа, очень часто детская, Мирон мог почти безошибочно считывать мысли. В основном это были люди, которые не умели лгать, и их сознание не покрывалось мутным облаком, которое прятало мысли от проникновения. Именно старец Добран учил сотников этим умениям, а также гипнозу и успокоению духа.

– Ага, на него. А я не знаю, как мне не оплошать, – вздохнул мальчонка.

– И что же, старец Онагост не учил вас, как надобно?

– Учил. И в лес мы с Митькой каждый вечер бегаем, чтоб получилось-то. И грязью обмажемся, и в мох зароемся, и лежим по несколько часов, не шелохнувшись.

– Ну и верно, – кивнул Мирон.

– А он, заяц-то, все равно боится нас и не подходит более чем на четыре аршина. Боится, видать. А нам велено, лежа, как «пластун», ждать, пока проходящий заяц не подойдет, и поймать его! И кто поймает, тот выдержит испытание.

– А...

– А я очень хочу поймать! – выпалил мальчик. – Но никак не выходит. А ведь я хочу, как вы, тоже в сотне быть! Подскажите мне, Мирон Иванович, хитрость какую.

Наклонившись к мальчику, Мирон показал ему рукой приблизиться к его лицу. Паренек чуть привстал на цыпочки, и Мирон шепотом сказал:

– Говорю только тебе, – Мирон знал, что уже завтра вся ватага парней будет знать эту хитрость. Но Мирон лишь усмехнулся. Все-таки, если эти мальчишки будут знать это все, возможно, в будущем знание спасет им жизнь в бою. – Ты дыхание свое усмири, как будто спишь. Да так, чтобы твой выдох даже траву не шевелил. Глаза не закрывай и смотри в оба. Тело свое, словно вкопанное сделай, чтобы оно срослось с землей, и представь, что ты трава. Тело чуть расслабь, а мысли свои в напряжении держи. Как заяц подойдет, сразу не хватай его, пусть освоится около тебя и травку пощиплет, и только тут и лови его. Да за уши хватай, они у него большие.

Отодвинувшись от паренька, Мирон по-доброму оскалился и вновь посмотрел на двор. Василия так и не было видно.

– Ох, спасибо вам, Мирон Иванович!

Времени искать Василия уже не было, и Мирон быстро направился в свою келью, чтобы переодеться для занятий. Сегодня были учения по энергетической защите у старца Светослава, а Мирону это учение очень нравилось, и он не хотел опоздать на него. Все-таки только некоторые из ратников-волков сподобились проходить данное обучение, только те, у кого выявились к этому определенные энергетические способности. Девяностолетний старец Светослав сам отбирал таких парней и юношей, а потом брал в обучение. Мирон был одним из дюжины таких ратников и очень дорожил этим. Ведь старец, обладая такими сакральными, древними знаниями предков, передавал их им. К сожалению, его брат, Василий, не обладал нужной энергетикой и не имел способностей в этой области тайных знаний.

Мирон едва приблизился к въездным воротам монастыря, как его окликнул один из двух парней, которые разгружали приехавшую телегу с зерном.

– Эй, браток, подсоби! – позвал его парень. Мирон обернулся к нему, и парень добавил: – Петр-то слег у нас в горячке сегодня, а еще двух в царскую слободу вызвали. Мы с Гришкой вдвоем до утра тягать будем, мешки-то.

Понимая, что точно опоздает на занятие, Сабуров все же остановился. Возможно, старец Светослав даже выгонит его взащей, не пустив после опоздания, так уже бывало с другими братьями, но в просьбе парню он не мог отказать.

– Хорошо, Никита, помогу, – кивнул Мирон.

Проворно подойдя к бревнам, лежащим у белокаменного забора, Сабуров начал стягивать с широких плеч черный кафтан, а затем рубашку. Одежда была дуже дорогая, и пачкать ее

пыльными мешками с рожью он не хотел. Парни, таскающие мешки, не боялись испачкаться, ибо их облачение состояло из старой заштопанной рубахи и штанов. Оставшись в одних штанах и сапогах, с голым торсом, Мирон устремился к телеге. Прохладная погода не испугала его, так же, как и нахлынувший холодный ветер, и он немного поежился, зная, что сейчас согреется, ведь таскать трехпудовые мешки было нелегким делом. Подойдя к телеге, Мирон бойко взвалил на плечи увесистый мешок и устремился через двор к погребу, куда носили мешки парни.

Дело в том, что слуг и крепостных в монастыре не было. И все работы, будь то на мельнице, на кухне, в пекарне или ткацкой мастерской, исполняли сами братья-волки. Каждому из воинов давалось свое послушание. Монастырь полностью обеспечивал себя, лишь только зерно и овощи закупались в соседнем селе, все остальное необходимое для проживания братья делали сами. Привезенные рожь и пшеницу молотили, пекли хлеб. Шили одежду, разводили кур и уток, делали оружие. Уборка территории и келий монастыря также входила в обязанности братьев. В основном все послушания исполнялись до обеда, а после, когда солнце стояло в зените, начинались различные занятия у старцев. Ближе к вечеру воины сами выбирали себе дело, а после ужина вновь были послушания до самой ночи.

Послушание Мирона заключалось в помощи кузнецу. Бывший воин, хромой кузнец жил при монастыре уже шесть лет. И Мирон помогал ему ковать сабли, кольчуги, палаши, топоры, подковы и другие изделия. Работы было всегда полно, и порой Мирон и Егор Иванович, так звали кузнеца, трудились в кузне бок о бок. Свой палаш Мирон выковал сам, еще два года назад. Легкий, немного более аршина длиной, он был поистине умелым творением. Чуть гнущийся, тонкий, но невероятно прочный, палаш спасал Мирону жизнь, и не однажды. Палаши братья монастыря носили все. Это было отличительной особенностью именно ратников-волков. Длинные копыя «волки» в битвах не применяли, из-за неудобства в ведении боя на близком расстоянии.

Мирон влетел на открытую площадку у церкви около пяти часов, опоздав почти на полчаса. Десять ратников-волков уже выстроились в шеренгу на другом конце небольшой поляны, а старец Светослав выбирал тупые стрелы с круглым наконечником из большой корзины, откладывая нужные на полено, лежащее перед ним.

– Ты где шатался, беспутный? – строго спросил старец Светослав, заметив появление Сабурова. Светослав слыл самым ворчливым и вспыльчивым из старцев. Порой даже мог отвести оплеуху. Остальные шесть старцев редко повышали голос, даже Онагост, который обучал военному делу.

– Я парням помог мешки выгружать.

– Вставай в строй. На подготовку времени у тебя нет. Так отбивай!

Мирон понятливо кивнул и, сразу же встав крайним из одиннадцати, вытащил свой палаш из ножен. Взяв обеими его внизу за рукоять и опустив руки вниз, поставил оружие перед собой острием вверх. Конец палаша оказался на уровне переносицы молодого человека. Эфес и самый кончик клинка были посеребренными, именно это давало необходимый эффект. Мирон сосредоточился и начал концентрировать нужную энергию в кистях рук. Вначале энергия скапливалась в руке, потом передавалась в рукоять палаша, который выступал катализатором, и вокруг оружия начинала образовываться защитная энергия – поле, невидимое простому глазу. Для видения этой энергии дюжина сотоварищей Мирона и он сам почти полгода специально тренировались. А для создания этой защиты, точнее, для успешной концентрации энергии в руке, требовалась определенная разминка, которую как раз и пропустил Мирон.

Уже через минуту старец Светослав начал метать из лука в каждого из ратников стрелы с круглым наконечником. Защитное поле необходимо было создать вокруг палаша и такого размера, чтобы оно выступало за концы клинка не менее чем на пол-аршина. Именно это энергетическое поле защищало от стрел старца. Если поле прерывалось или было недостаточно

прочным, стрела пронизывала его и ударялась в грудь ратника, а те были в одних рубахах. Да, такие стрелы с круглым наконечником не были опасны, но сильный болезненный удар оставлял синяк на теле.

Мирон все же успел создать поле и, когда первая стрела старца Светослава достигла его, защита сработала отменно – и стрела, отскочив от его защитного поля, упала на землю. Мирон облегченно выдохнул. Он знал, что старец жаждет, чтобы они достигли в этом совершенства и могли бы поднимать поле мгновенно, едва возникала опасность. Но высшим умением, по словам Светослава, являлся бой, когда воин окутывал себя защитной энергией и в то же самое время бился с противником.

Глава VI. Старец

Прошло четыре дня с того времени, как Ивана Михайловича бросили в «каменный мешок», а Мирон так и не находил себе места. Несколько раз он ездил в тюрьму-крепость, но по указу царя к пленнику никого не пускали, мало того, даже не позволяли передать еду. Ежедневная мука за отца не давала Мирону покоя. Сегодня он встал, когда пропели первые петухи. Попив немного колодезной воды и умывшись, Мирон потрепал по загривку серого пса, который лежал на крыльце, отмечая, что животное почти поправилось. Мази и целебное питье Василия сделали свое дело, и раны Серого, как стал называть его молодой человек, затянулись. Пес немного хромал и не мог еще бегать. Сильный ушиб правой лапы, по словам Василия, не давал животному нормально двигаться, но это было делом времени.

В то утро Мирон напрямик направился в кузницу к Егору Ивановичу и до обеда бок о бок с мастером ковал кольчужные доспехи. На это занятие требовались долгие часы и даже дни. Сначала выковывали длинную проволоку, затем скручивали из нее колечки, а после склепывали концы. На один кольчужный доспех порой уходило до двадцати тысяч колечек. Уже к обеду, когда зазвонил колокол, оповещающий братию о начале трапезы, Сабуров вышел из кузни красный от жара и уставший. Однако ни утренняя тяжелая работа, ни трапеза, ни занятие по успокоению духа и медитации у старца Добрана, совсем не остудили его яростные гневающие думы.

Мирон нашел Василия на открытой площадке, когда тот упражнялся в метании небольшого топорика в кусок дерева.

– Васятка, опять топор у тебя три разворота делает, – прямо с ходу начал Мирон, приближаясь к брату. – Говорил тебе, два надо. Так ведь и не попадешь лезвием-то, а все палка в чурбан летит.

– И че ты меня учишь-то? – насупился Василий. – Словно старший ты мне!

– Да переживаю я. Что не разрубишь вражину, а оглушишь только обухом-то.

– Слышь, Мирошка, ты не в духе, как я посмотрю, так не задирайся, – заметил наставительно Василий.

– Да все о батюшке думаю, – объяснил Мирон. – А как вспомню матушкины слезы, так вообще тошно делается, оттого что ничего сделать-то не могу! Все сердце по батюшке изнылось. Думаю, как вызволить его из темницы?

– Мне и самому тошно, третий день спать не могу.

– Слышь, Васятка, пойдем, «дуболома» покрутишь мне, хоть отвлечемся немного.

– Ладно, – кивнул Василий и, подхватив топорик, пошел вслед за братом.

Уже час Мирон прогибался и уворачивался от деревянного массивного снаряда. Это был высокий поворачивающийся столб в пять аршин, по бокам которого горизонтально приколоты на различной высоте узкие дубовые бревна. Вращение столба делал Василий, который ходил по кругу вокруг столба, тягая за собой на лямке длинную железную жердь, торчащую из земли. Железный прут соединялся под землей со столбом и приводил его в движение. Василий, идя по кругу, производил впечатление человека, который тянет плуг вместо лошади. Мирон же, стоя на одном определенном месте и, не сдвигаясь даже на аршин, то наклонялся, то подпрыгивал, чтобы вернуться от появляющихся у него на пути деревянных бревен.

– Слушай, Мирон. Я уж версты две вспахал, – через час вымолвил устало Василий, подтягивая на плече кожаную лямку, которая крепилась к железной жерди. Он упорно шел вперед, уже изрядно устав, но видел, что брат, как заведенный, без устали перемахивает и наклоняется, еще ни разу даже не получив удара опасным бревном по телу или лицу. – Устал я. Я ж тебе не конь.

– Да не могу я устать, Васятка. Батюшку вспоминаю, – выпалил Мирон с легкой отдышкой.

– Вечерять пошли, – сказал властно Василий, останавливаясь и стягивая лямку с плеча. – Там и покумекаем. Темнеет уж.

Мирон отошел от снаряда и направился вслед за Василием. Нагнав его, Мирон приобнял брата за плечо и вдруг тихо произнес:

– А ты знаешь, я ведь видел призрака в черном плаще, до того как царица померла.

Тут же остановившись, Василий уставился на брата.

– Как призрака?

– Да так, – добавил Мирон, кивнув. – И вот все думаю, а может, этот призрак царицу нашу и извел?

– Да прям. Что за глупость, – сомневаясь, ответил Василий и снова зашагал дальше. Мирон пошел рядом, замолчав. Когда они почти достигли главной трапезной, Василий сказал: – Я тут все думаю...

– О батюшке?

– О нем-то постоянно. Но еще об одном. Может, мне в Суздаль съездить?

– Зачем это? – поднял брови младший Сабуров.

– Ульяну Ильиничну проведать, – объяснил Василий. – Она сказывала, что ее отец ремесленник по дереву, живет на Кузнечной улице.

– Тьфу ты! – выругался Мирон. – У тебя все одно на уме. Одни девки!

– Не девки. А одна девка, – поправил его Василий.

– И что это сейчас так важно? Сейчас об отце думать надобно, – недовольно сказал Мирон и зашагал дальше.

– Я думаю об отце, – насупился Василий, идя вслед за ним. – А сердцу все равно не прикажешь.

Остановившись, Мирон обернулся к брату и осуждающе посмотрел на него.

– Нет, я все равно не пойму, и что в этой девке такого? – спросил он.

– Не любил ты никогда, Мирон, оттого и не знаешь, как это, тосковать по кому-то.

– Ну и езжай, я с тобой точно не поеду, – отмахнулся Мирон.

– А я и не прошу, – спокойно ответил Василий. – Ты только мою отлучку прикрой. А?

Мирон долго смотрел на брата пощуренным взором. Приятное лицо Василия с живыми карими глазами и темными вихрами было до боли родным и любимым. Но он все равно не мог понять, как это, из-за какой-то там первой встречной девки мотаться почти двести верст туда и обратно, только чтобы повидаться. Нет, он не понимал Василия.

– Ладно, – кивнул Мирон. – Пошли трапезничать. Наверняка Ждан наварил перловой каши с салом. А то мне еще после в банях убраться надо. Я сегодня там за мойщика.

На рассвете следующего дня, когда занималось ярко-оранжевое солнце, Мирон проворно направился в высокую двухэтажную избу старцев. Накануне они долго говорили с братом, и глубокой ночью Мирон принял непростое решение, которое в этот момент казалось ему наиболее правильным. Поднявшись в полутемный терем, молодой человек направился к келье настоятеля монастыря, старца Радогора, намереваясь решить все сегодня же. Едва молодой человек приблизился к келье, как увидел, что она открыта. Он прошел внутрь. Старец Радогор стоял напротив двери и быстро вскинул глаза на молодого человека. В длинном темном монашеском одеянии, с непокрытой седовласой головой, он вызвал у Мирона благоговейный трепет своим пронзительным, горящим взглядом.

– Я ждал тебя, Мирон, – произнес старец.

– Правда? – удивился Сабуров.

– Отчего-то знал, что ты придешь, оттого и посылать за тобой не стал.

– Я хотел поговорить с вами, отче.

– Дверь прикрой, – велел Радогор. И молодой человек повиновался. Старец отошел к окну, отвернувшись от него. Смотря на улицу, Радогор спокойно заметил: – Видел, ты пса приبلудного привел.

– Отче, он не будет мешать, – воскликнул порывисто молодой человек. – Он даже не лает. Болеет он, едва не помер. Позвольте, он будет в моей келье жить.

– Не дело это, – сказал строго Радогор, так и не поворачиваясь к молодому человеку и смотря в окно.

– Привязался я к нему, отче. Он хоть немного радости мне приносит, – не унимался Мирон.

Радогор долго молчал и лишь через некоторое время повернулся к молодому человеку и разрешил:

– Хорошо, пусть живет.

– Благодарствую, отче! – выпалил Сабуров довольно. Но тут же, нахмурившись, добавил: – Только недолго мне осталось жить в монастыре.

– Вижу, ты хмур, – заметил старец. – Ты не должен отчаиваться.

– Как же быть, отче? Если отца обвиняют в измене и приговорили к мучительной смерти?!

– Я как раз хотел поговорить с тобой об одном деле, – тихо сказал старец, но Сабуров перебил его:

– Мне нужна свобода. Я хочу уйти с царской службы.

– Отчего же? – спросил строго старец.

– Я нужен теперь отцу. Должен оправдать его! И найти истинных убийц царицы.

– Да, это твой долг, Мирон. Однако послушай меня, – начал увещательно Радогор.

– Вы будете меня отговаривать, отче. Но я не стану вас слушать! Я уже все решил! – порывисто заявил молодой человек.

– Ты самый искусный и уникальный витязь «волчьей сотни», сынок, – заметил Радогор печально. – Мне будет жаль, если ты уйдешь со службы.

– Зачем мне эта служба, ежели государь не хочет оправдать моего отца?

– Послушай...

– Что слушать? Я не хочу служить царю, который так жесток с нашим родом. А мы ведь верой и правдой – и батюшка, и мы с братом – служили ему. А он, негодный, только крови нашей жаждет, видимо!

– Замолчи! – в ужасе прикрикнул на него Радогор. – Услышат. Потом пожалеешь, что так говорил.

Как-то весь сжавшись от окрика старца, Сабуров замолчал, поджав губы, и устало бухнулся на лавку, стоящую сбоку. Обхватив ладонями виски, молодой человек опустил буйную светло-русую голову на грудь и прошептал сам себе:

– А что ж делать, ума не приложу...

Медленно приблизившись к Мирону, старец встал над ним и, будто у непослушного дитя, спросил:

– Уйдешь со службы, что делать будешь? Ты ведь воин.

– Наймусь к какому-нибудь боярину беречь добро.

– И что, как пес, будешь зерно сторожить? – опешил Радогор. – Я не затем тебя столько лет полировал, словно яхонт самоцветный, чтобы ты вот так свои тайные умения и уникальное мастерство витязя в грязь закинул.

– Красиво вы говорите, отче, – отозвался хмуро Мирон, поднимая голову. – Только проку нет в том.

– Послушай меня, сынок. Я научу тебя, как отцу твоему помочь, – сказал тихо Радогор и сел на лавку напротив молодого человека. – Дело одно есть. Трудное и опасное дело. Оно лишь тебе под силу, так я разумею. Вот и попомни мое слово, если справишь его, как надобно, заслужишь почести у царя-батюшки.

– Служил я ему уже и кровь за него не раз проливал. И что же? Теперь даже на порог своих хором меня не пускает, а отца родного в «каменном мешке» держит! – раздраженно заявил Мирон и отвернулся от старца.

– А ты не горячись, – наставительно и спокойно велел Радогор. – Вот я и думаю, что должен ты свое недовольство да злость в дело это трудное вложить. Если добудешь для царя, что ему надо, он враз твоего отца пожалеет и выслушает, а может, и помилует. Вижу это. А ты знаешь, будущее не особо скрыто от моих глаз.

Старец замолчал, по-отечески тепло взирая на молодого человека. Мирон также молчал, отвернув лицо чуть в сторону и упорно смотря в сторону окна. Настойчиво созерцая профиль Сабурова, Радогор невольно остановил взгляд на неприятном шраме, который пересекал лицо Мирона от виска до подбородка, нарушая поросль короткой густой бороды. Шрам был давний и почти белесый, но все же портил и без того строгое, жесткое лицо Сабурова. Старец видел внутреннюю борьбу, которая шла в молодом человеке, тот явно не мог разобраться в себе. Старец терпеливо ждал, надеясь на мудрость и умение найти единственно правильное решение, которые всегда были присущи Мирону.

Перебирая все слова старца Радогора и мучительно размышляя, Мирон чувствовал, что голова начала гудеть. Он не знал, как поступить. Когда пришел в монастырь, он сразу же отдал свою судьбу и жизнь в руки старцев. И тогда он не боялся и знал, что старцы Радогор и Добран верно выбрали и утвердили его жизненный путь. Путь воина, который несет свет и спокойствие в мир. А теперь он стоял на распутье и боялся смотреть в будущее. Боялся того, что отец сгниет за решеткой, и он ничего не сможет сделать для его спасения. Для человека, который подарил ему жизнь. И Мирон знал, что если отец умрет в тюрьме, то в его сердце навсегда поселится затаенная горечь, которая будет отравлять ему жизнь. В какой-то момент Мирон медленно повернул голову к Радогору и глухо спросил:

– Какое дело-то, отче?

Чуть прищурившись, Радогор в очередной раз отметил про себя, что отлично знает своего ученика и может заставить его выполнить приказ царя. Потому что государь жаждал получить желаемое как можно скорее.

– Вот и хорошо, сынок, что одумался. На днях я был у государя, – начал старец. – И он поведал мне одну тайну. Не знаю, откуда Ивану Васильевичу известно про это стало, но он очень хочет отыскать некую волшебную вещь.

– Волшебную? – опешил Мирон. – Что за сказки?

– Ты слушай. Не сказки это, как и то, что владеет этой вещью нечисть, а может, даже и нежить потусторонняя. Это неведомо. Знаю я только, что давным-давно некий рыцарь из Франции привез одну древнюю Чашу сюда, на нашу землю и спрятал ее у местной нечисти. А нечисть та пообещала схоронить Чашу на века, пока некие колдуны-чародеи из братства Храма не потребуют ее обратно.

– Чаша?

– Да. Некая Чаша Граля. Последние три дня, как мне стало о ней известно, я пытался найти об этой Чаше хоть что-то в древних книгах. И думается мне, что эта Чаша проклятого Ордена французских тамплиеров, которых сожгли на костре, еще двести с лишним лет назад.

– И что, царю нужна эта Чаша?

– Он жаждет ее получить. И обещает сделать многое для того, кто добудет ее.

– Почему именно я должен ее искать? – нахмурился Мирон, совсем не желая браться за это мутное и непонятное дело.

– Думается мне, что нечисть просто так ее не отдаст. Ибо побоится потерять свое могущество, ведь наверняка темные колдуны-франки заключили с нашей нечистью договор. Иначе не стали бы упыри наши прятать ее у себя. А ты единственный, кто может попытаться ее добыть. Если тебе не под силу это будет, то другим братьям и подавно. А если не добудем Чашу эту, царь очень осердится. Он мне даже пригрозил, сказал, что сомневается в нашей верности ему и в том, нужен ли наш монастырь.

– Вот как? Так, может, ему самому нежить по болотам поискать? – выпалил Мирон. – Или пусть вурдалаки по полям скачут и кровь из людей сосут?

– Мирон, замолчи. Крамольные слова говоришь. Вот добудешь Чашу и царь увидит, чего мы стоим, да и за отца сможешь попросить.

– Интересно, и чем же эта Чаша так волшебна? – задал вопрос Сабуров.

– Царь не сказывал. Но вчера в древней книге я вычитал, что может Чаша эта древняя подарить богатства и славу и даже бессмертие своему владельцу.

– Ого! Сразу и бессмертие. Тогда точно надо искать ее, – усмехнулся Мирон.

– Ты что зубоскалишь, Мирон? – недовольно нахмурился старец Радогор.

– Простите, отче, само вырвалось, – потухшим голосом сказал Сабуров и уже более спокойно добавил: – Но у какой нечисти ее искать? И вообще, как Чаша то эта выглядит?

– Мне неведомо ее обличие. Но царь сказывал, что в полночь, если Чашу поставить под лунный свет, она начнет переливаться радугой. Только так и проверить.

– Ясно.

– Известно также, что нечисть, которая прячет Чашу, объединилась в некую шайку «Тайный схорон».

– «Тайный схорон»? – уточнил Сабуров. – Это хоть что-то. Только вряд ли нечисть и нежить будет на лбу у себя клеймо ставить, что состоит в «схороне» этом. Не пойму, какую нечисть искать-то, у которой Чаша?

– Единственное, еще ведаю, что один из колдунов или упырей этих обитает в посаде, что Сергиевым зовется, в семидесяти верстах к северу от Москвы. Так царь сказал. Помню, как по молодости я бывал в том посаде и слышал, что живет там некий старый воевода, который в свое время был обвинен в казнокрадстве – и вырвали язык у него за это и отстранили от службы. Так вот, когда я в посаде том находился, тот воевода уже совсем старый был и жил на окраине. А все людишки того селения боялись даже смотреть на его дом с черными ставнями. Поговаривали, что старый воевода связался с темными силами и каждую ночь из-за ограды его дома слышны глухие стоны. Еще тогда я подумал, что воевода тот колдун. Но теперь царь, как сказал, что один из «схорона» живет в Сергиевом посаде, так я и думаю, что это он. Так что, сынок, тебе оттуда надо начать поиски.

– Благодарствую, отче. Туда и отправлюсь.

– Доброй дороги. Надеюсь, найдешь ты Чашу эту и добудешь перед царскими очами прощение для батюшки.

– Завтра поеду. С Василием, – кивнул Мирон, вставая.

– Может, тебе еще кого в помощь надо?

– Да нет. Что ж мы с одним колдуном не справимся?

– Ну, тебе виднее, сынок...

Глава VII. Сергиев Посад

Москва, Саввино-Сторожевский
мужской тайный монастырь,
1572 год, 25 мая

Светало. Облачившись в удобную одежду: в короткий темный кафтан, штаны и легкие сапоги, – Мирон умелым движением надел перевязь, на которую крепился палаш и нож. За спину он перекинул бердыш, острием вверх. Попив перед дорогой лишь колодезной воды, он надел невысокую шапку из темного сукна и направился к двери. Но у выхода ему загородил путь Серый, который встал перед дверью. Чуть оскалив зубы, пес один раз гавкнул и уставился на Сабурова настойчивым взором темных глаз.

– Ты, Серый, со мной хочешь? – спросил удивленно Мирон. – Нет, так не пойдет.

Пес не сдвинулся с места и, видимо, не собирался отходить. Василий выходил пса снадобьями и мазями, и тот уже бегал, но все равно немного прихрамывал на одну лапу. Пес оказался на редкость умным. Он никогда не лаял и понимал все с полуслова.

– Отойди, говорю. Все равно не возьму с собой.

Пес имел упертый нрав, прямо как сам Мирон. Спустя несколько минут, не выдержав, Сабуров присел на корточки рядом с ним.

– Ну, ты что, друг? – вымолвил он, глядя по заливку пса. – Я ведь на дело еду. Как там будет, не знаю. А ты болен. Разве ты сможешь мне помочь больной?

Пес немедля снова подал голос. И Мирон понял, что он действительно хочет помочь. Итак, Серого он все же взял с собой.

Русское царство, Сергиев Посад
1572 год, 25 мая

Провинциального городка они с Василием достигли после полудня. Пес бежал всю дорогу сам, чуть прихрамывая, но не отставая. Чтобы он успевал, Мирон вел коня медленной рысью. Оттого в посад они въехали, когда улицы были полны народу. Зная имя наместника селения, Сабуровы останавливались пару раз, спрашивая у местных людей, как им найти усадьбу боярина Адашева.

Расположенный вокруг Троице-Сергиева монастыря посад разрастался с каждым годом. Уже насчитывая почти триста дворов, он занимал обширную местность, где жили пахари, купцы и просто служивые люди. Изначально в округе селились лишь отшельники и иноки, но затем, в начале шестнадцатого века, сюда потянулись и мирские жители, которые обеспечивали монастырь кожами, железом, конями и другой утварью. Теперь в посаде, стоящем на зеленых покатых холмах вокруг неприступных монастырских стен, кипела бурная жизнь и торговля.

Сабуровы без труда отыскали усадьбу боярина Федора Адашева, поскольку она стояла на главной улице, на самом высоком месте. Их пустили на двор, и мужик, одетый в старенький кафтан василькового цвета, провел молодых людей в передние палаты хором. Шепелявя и угожливо улыбаясь, старый слуга осведомился:

– Как о вас доложить, господа пригожие?

– Братья Сабуровы из опричного приказа, – коротко сказал Василий, постукивая плеткой по бедру.

– Будет доложено. Обождите здесь, господа хорошие, – кланяясь, ответил слуга и быстро засеменил к выходу из горницы.

Только через полчаса в комнату, где ожидали молодые люди, вошел боярин в домашнем длинном кафтане пурпурного цвета и простых сапогах без украшений.

– С чем пожаловали, люди царские? – спросил боярин Адашев Федор Григорьевич, сверкая глазами и явно предчувствуя дурные вести из Москвы. Сабуровы переглянулись, отмечая, что боярин явно напуган их визитом, но вида он не подавал.

– Опричники мы, из сотни волчьей, – объяснил Мирон. – По указанию государя нечисть ловим и изводим. Где такая водится. Наслышаны мы, что в вашем посаде некий колдун завелся, который людей пугает да козни свои строит.

– Ох. Как говорите, вы зоветесь? – выдохнул Адашев с облегчением.

– Мирон и Василий Сабуровы, из волчьей сотни.

– А, что-то слыхивал. Так вы, братцы, нечисть ищите?

– Да. Хотим вам помочь. Есть же у вас колдун, воевода бывший? – сказал Мирон.

– Ох! Вы прямо как в воду глядите! И как вовремя приехали, – довольно вымолвил боярин. – Только вчера у меня хлебопашцы были. Всю душу мне вымотали. Заладили, что колдун этот им рожь губит, и все! И так каждый год!

– Вот про него, колдуна, я и говорю, – кивнул Мирон.

– Может, вы голодны? – предложил Адашев. – Пройдите в трапезную горницу. Отобедаем. А там и поговорим за чарочкою.

С сердца боярина упал тяжелый груз, ибо с перепугу он подумал, что опричники приехали его арестовать. А они, оказывается, по душу колдуна явились, который уже который год наводил страх на всю округу. Это весьма обрадовало боярина, и он почти час сидел за дубовым столом, заставленным щами, соленьями и булками, и все пытался налить молодым людям некоего заморского вина, чтобы порадовать и задобрить их.

– Не пьем мы вина, благодарствуем, Федор Григорьевич, – уже в пятый раз повторил твердо Мирон, наливая себе в деревянную чарку холодного квасу из глиняной расписной крынки. Сабуров прекрасно знал, что после вина сознание и дух его помутнеют, и он не сможет мыслить разумно. А им еще колдуна искать надобно было. – Вы лучше расскажите нам про колдуна вашего. Знаем мы, что он воеводою раньше был, да его и разжаловали за казнокрадство.

– Так и есть, – кивнул Адашев, подливая себе вина, и добавил: – Давно это было, почитай, уж сто лет минуло.

– Как сто лет? – опешил Василий.

– И этот воевода до сих пор жив? Сколько ж ему лет? – поддержал брата Мирон.

– Явно больше сотни, – тихо сказал боярин, словно боясь своих слов. – Я еще мальчонкой был, а его уж колдуном звали, и жил он на отшибе в доме с черными ставнями. А теперь мне уж шестьдесят минуло. А этот колдун все не помрет. Явно водится с темными силами. Не может простой человек столько жить.

– Расскажите подробно, что еще знаете о нем? – попросил Мирон.

– Еще в том веке, при царе Иване III, его поймали за то, что он царскую казну воровал, да и плетью высекли и язык отрезали. Потом, правда, выпустили из застенка, но он уж более на службу царскую не вернулся. Жил один, бобылем на окраине. А потом вообще исчез из города. А сейчас один раз в неделю появляется у купца Шелякина и заказывает у него снедь всякую для пропитания. А еще говорят, что он поля с зерном портит. То зерно, что растет на западных полях, какой год засеваем, а оно то под солнцем сгорит, то водой его затопит. Явно колдовство черное. Люди сказывают, именно там колдун обитает. Только жилища его никто не видел. А еще на этих полях иногда крестьяне пропадают. Никто их найти не может, ни живыми, ни мертвыми. Может, на них колдун порчу наводит и в свое логово утаскивает?

– Так арестуйте колдуна этого, за чем же дело стало? – предложил Василий.

– Не могу.

– Отчего же? – удивился Мирон.

– Опасаюсь я, – опять тихо и боязливо произнес Адашев. – Он того наместника, который ему язык отрезал, проклял! И семья-то наместника потом вся сгинула. Кто сам помер, кого убили. Все за десять лет померли. У нас в посаде все об этом знают. Вот я и боюсь. А вдруг он порчу и на мое семейство наведет? А у меня семеро ребятишек.

– Что за бред? Пошлите туда солдат, и дело с концом, – не выдержал старший Сабуров.

– Ага, пошли! Все боятся, и никто туда идти не желает. Проклятья боятся! – объяснил боярин.

– Да, тяжело тут у вас, – подытожил речь боярина Василий.

– И где живет этот колдун? – спросил Мирон, не опасаясь каких-то колдовских проклятий, ибо от старца Невзора, который обучал их бороться с потусторонней нечистью, он знал несколько обережных заговоров, чтобы защитить себя от темных посылов нечисти.

– Не знаю, – искренне пролепетал Федор Григорьевич.

– Как не знаете? – удивился Мирон. – Вы же сказывали, что он в городе появляется.

– Ну да. По пятницам. У купца Шелякина. А люди купца-то ему через два дня все привозят и в условленном месте у леса оставляют. А где живет этот колдун, никто уже лет тридцать не видел. Раньше, когда он воеводой был, так на Земской улице жил. А теперь не ведаю.

– Погоди, боярин, как же он приходит и у купца заказ делает? У него же языка нет, – спросил Мирон, ничего уже не понимая.

– Да. Не должно быть языка. А он все же говорит. Видать, снова язык вырос.

– Это как так? – опешил Василий.

– И я говорю, бесовщина, – округлив глаза и перекрестившись на красный угол с иконами, боязливо выпалил Адашев.

– Погодь, – начал опять Мирон. – Он приходит в город, а затем уходит. Что ж не последили за ним, куда он девается?

– Следили. Но он в чащу уходит, а потом пропадает. Сколько ни посылал я людей, не могут мои стрельцы его берлогу найти.

– Дак они, поди, так оружием бряцают, что все птицы улетают, не только колдун, – заметил ехидно Василий.

– Уж не знаю, что вас так забавляет в этом, Василий Иванович, но люди-то наши напуганы как, просто жуть. И землепашцы мне житья не дают. Вот бы у вас получилось с ним справиться и арестовать колдуна-то этого. А еще лучше убить, чтобы он порчи не успел навести. А то живой, в застенке, он более опасен. Колдовать может.

– Вас послушать, это прям не человек, а привидение какое-то. Дома не найти, куда уходит – неведомо. Еще и порчу наводит, – сказал Мирон.

– Так и есть. Привидение, только гораздо страшнее.

– Хорошо. Вы сказали, колдун по пятницам в посад приходит?

– Да.

– Сегодня среда. Вот в пятницу и будем его ждать. У дома купца вашего Шелякина, – твердо заметил Мирон. – И еще, будьте добры, грамоту мне справьте, по которой мы арестовать его сможем.

– А может, все-таки его по-тихому, ну... – намекнул боярин на расправу над колдуном.

– Нет, – отрезал Мирон. – Не дело это просто так человека губить, даже если это и колдун, – сказал младший Сабуров. – Сначала разобраться надо. Может, он и не виноват ни в чем?

Итак, Сабуровы остались жить у боярина в хоромах. Им выделили небольшую горницу в северной части дома. Ели они вместе с Адашевым и его тремя сыновьями. Весь день Мирон и Василий проводили в ближайшем лесу, тренируясь в ратном деле между собой и дожидаясь пятницы.

Еще на заре, в пятницу, в тот день, когда должен был появиться колдун, Мирон и Василий заняли свои наблюдательные посты у соседствующих с домом купца изб. Они сидели – один у старой бабки в сарае, второй у поленницы – почти до обеда, когда на улице появился колдун. Не узнать его было невозможно. Одетый в длинную черную пыльную рясу наподобие монашеской, без головного убора, с длинной черной косматой бородой, он медленно шествовал по многолюдной улице, опираясь на палку. Люди шарахались от него в стороны. Едва он зашел к купцу в лавку, Мирон сделал знак рукой Василию, который сидел напротив. Молодой человек кивнул в ответ, и, когда спустя четверть часа колдун вышел, Василий обождал и только потом последовал за ним. Мирон же проследил, чтобы Василий отошел на довольно большое расстояние и, потрепав Серого за ухом, проворно поднялся в лавку купца на несколько мгновений, а затем последовал вместе с псом за Василием. Братья разделились специально, так как двоих преследующих колдунов мог заметить быстрее.

Василий шел за колдуном на довольно большом расстоянии. Он не знал, видит ли его колдун или нет, но старался слиться с посадскими людьми. Когда колдун вышел из города и направился тропой через поле, Василий осознал, что более следить за ним не удастся, ибо на открытом месте тот мог легко заметить преследователя. Василий остановился у крайнего забора, следя издали за удаляющимся колдуном и ожидая брата. Вскоре появился Мирон и Василий бросил ему:

- Не пошел дальше. Точно увидит меня и сгинет куда-нибудь.
- Верно сделал. По следам найдем, – кивнул Мирон.

Он вынул из-за пазухи пустой мешочек и, наклонившись, дал понюхать его Серому, который стоял рядом. Мешочек был из-под серебряных монет, которые оставил колдун купцу. Последние два дня, что они провели в посаде, Мирон ежедневно по несколько часов кряду учил Серого брать нужный след. Сообразительный пес, вспомнив недавние уроки, тут же гавкнул и устремился в сторону леса, выслеживая следы колдуна. Сабуровы последовали за животным и, наверное, час петляли по лесу, а затем вышли на огромное поле, которому не было видно ни конца, ни края. Земля здесь была заброшена и явно не пахалась много лет. Пес вдруг потерял след и завертелся на одном месте. Остановившись и оглядываясь, молодые люди пытались понять, где находятся. Вокруг было пустынно. Только пустое поле с едва пробивавшейся травой и вдалеке лес.

– Смотри, вон там! – выпалил Мирон. Василий согласно кивнул, также заметив невысокий частокол на окраине поля. Они приблизились и остановились в пятидесяти шагах от него. Частокол оказался в четыре аршина высотой, и за ним не было видно строения. Едва различимая калитка с замком находилась впереди них. Они остановились, чтобы решить, что делать дальше.

– Я вот думаю, если у колдуна правда есть эта Чаша, это объясняет, почему он так долго живет, – заметил Мирон, обернувшись к брату. – Ведь отче Радогор сказывал, что Чаша может подарить бессмертие.

– А язык-то ему тоже Чаша вырастила? – усмехнулся Василий.

– Это уж мне неведомо, – пожал плечами Мирон, оправляя за спиной бердыш, чуть съехавший набок от быстрой ходьбы. – То ли Чаша, то ли силы темные.

– И теперь что, Мирон? – спросил Василий, смотря на высокий частокол, срубленный из сосновых бревен.

– Идем, – велел твердо Мирон.

Проворно направившись к калитке, Сабуровы прошли не более десяти шагов, как вдруг земля задрожала у них под ногами.

Мирон лишь услышал глухой вскрик брата и, резко обернувшись, заметил, что Василия нет рядом. Замерев на месте, Мирон увидел сбоку, перед своими ногами пропасть. А точнее, глубоководную яму, которая разверзлась под ногами Василия. Стремительно наклонившись, Сабу-

ров увидел, что Василий лежит на земле на дне, на семиаршинной глубине и не двигается. Его висок и волосы были в крови. По краям ямы, на половине пути вниз торчали дубовые бревна, о которые, видимо, падая, ударился головой Василий. Наверняка специально сделанные для того, чтобы попавшийся потерял сознание.

– Вот напасть! – выругался Мирон и вздрогнул, так как бревна в яме вдруг задвигались.

Уже через минуту они ушли в земляные края, исчезнув, а сверху вылезла железная решетка, закрывающая упавшему путь к свободе. Мирон остолбенел, понимая, что колдун расставил капканы у частокола, а они, как глупые юнцы, попались. Он видел, как брат лежит внизу земляной ямы, не двигаясь, и понимал, что достать его будет непросто. Рядом залаял пес, также склонившись над ямой.

– Не бойся, Серый. Сейчас, – выпалил Мирон, понимая, что брата надо немедленно вытащить.

Осторожно обойдя яму по контуру, он встал в безопасное место, с той стороны, с которой они пришли. Ухватившись руками за железные прутья решетки, молодой человек попытался выдернуть их из земли. Но прутья были прочно вклинены в землю и не двигались. Мирон нахмурился и понял, что без силовой магии здесь не обойтись. Ощущая, что его существо полно энергией, Сабуров чуть прикрыл глаза и сосредоточился. Уже через несколько минут он ощутил в руках огненный поток и силу, как учил его старец Светослав, и со всей мочи дернул. Решетка выскочила из земли в одном месте и поднялась. Мирон немедленно напряг руки и вновь дернул. Через минуту он откинул железную решетку в сторону, осматривая сверху все такое же недвижимое тело Василия.

Быстро измерив глазами глубину, Мирон повис на руках на краю ямы и спрыгнул вниз. Умело приземлившись рядом с ногами брата, он приложил руку к горлу Василия. Тот был жив, только без сознания. Кровь из его раны на виске уже перестала сочиться. Облегчено выдохнув, Мирон вытащил из заплечного мешка веревку и короткий топорик. Без промедления привязав веревку к топоричу, выкинул его вверх, чуть закрутив, и острие, застряв в мягкой почве на поверхности, замерло. Натянув веревку, Мирон проворно открыл перевязь, которая удерживала оружие и, вытянул ее сильнее, а затем пристегнул ею тело неподвижного брата к своей груди. С силой подтянувшись несколько раз по веревке на руках, он вытянул Василия из ямы и осторожно опустил брата на едва пробивавшуюся весеннюю траву. Василий так и не приходил в себя. Серый был уже рядом и начал лизать лицо Василия. Мирон повернулся к псу и, оправляя перевязь с оружием и скручивая веревку, велел:

– Оставайся здесь с ним, Серый. Я один пойду.

Сабуров понимал, что ждать, пока Василий придет в себя, времени нет, и он должен, видимо, один пройти в логово колдуна.

Пес внимательно посмотрел на него и сердито зарычал.

– Нет. Ты ему более нужен. Охраняй, – скомандовал Сабуров.

После этих слов пес как-то скис, улегся рядом с Василием и замер.

– Вот и молодец, – кивнул Мирон, окидывая взглядом частокол с широкими неказистыми бревнами, стоящий впереди. Пройти оставалось всего шагов пятнадцать, но Мирон чувствовал, что ловушка была не одна. Медленно приблизившись к краю уже открытой ямы, он присел на корточки. Приложив руку к земле, сосредоточился. Слева от ямы, куда провалился Василий, чуть сбоку он ощутил пустоту. Поняв, что это очередной капкан, Мирон быстро надавил на землю в нужном месте и отскочил. Почва слева провалилась, и он криво усмехнулся:

– Все явно, колдун.

Между ямами образовался узкий проход в полсажени шириной. Но этого Мирону оказалось достаточно. Видя перед собой калитку в частоколе, он, осторожно ступая по узкой земляной тропе между ямами, достиг калитки. Довольно выдохнув, он едва прикоснулся к частоколу рукой, и тут земля под его ногами вновь зашевелилась.

Испуганно озираясь, Мирон подумал, что сейчас сам провалится в яму, но увидел, как высокий частокол, который сотрясал землю, зашевелился и начал подниматься. Калитка также потянулась вверх. Когда бревна остановились, Мирон, уже окончательно помрачнев, угрюмо окинул взглядом пятнадцатyarшинную высоту частокола. Сосновые бревна замерли и более не шевелились. Мирон понял, что такой забор преодолеть обычному человеку примерно в два с половиной аршина ростом невозможно. Но он не был обычным.

– Ладно, колдун, – процедил Мирон. – Это меня тоже не остановит.

Глава VIII. Колдун

Смотря на высоченные колья-бревна, он вновь снял заплечный мешок и достал оттуда определенную веревку. Она была тонкой в два пальца толщиной, но очень длинной, почти семнадцать аршин. Затем, из тула он вытащил железную стрелу. Их Мирон носил на всякий случай. Он редко ими стрелял, ибо они были тяжелы. Но всегда выручали его в таких случаях, как сейчас. Привязав веревку к оперенью, он достал лук и со всей силы выстрелил вверх. Когда железная стрела перелетела частокол, Сабуров резко натянул веревку, и железное острие врезалось в дерево с другой стороны. Чуть подергав веревку, молодой человек убедился, что стрела крепко вошла в дерево. Мирон огляделся и, не заметив никого, кроме лежащего на земле Василия и Серого, сидящего рядом с ним, начал взбираться по веревке вверх, подтягиваясь на руках.

Через четверть часа, практически достигнув верха частокола, он ощутил, что веревка начала подозрительно сползать. Инстинктивно чувствуя опасность, Мирон, повиснув на одной руке, второй стремглав вытащил из тула еще одну железную стрелу и со всей силы всадил ее в дерево рядом. Стрела вошла как в масло, и Сабуров ухватился за нее рукой. В этот момент веревка начала падать назад, поскольку первая стрела, пропорвав древесину, выпала. Мирон едва успел схватить падающую веревку, повиснув на руке, держась за железную стрелу. Он замер и прислонился лбом к дереву, понимая, что был на волосок от падения и вполне мог разбиться об землю.

Но времени на раздумья не оставалось. Собравшись с духом, молодой человек намотал веревку на руку и вытащил из тула третью железную стрелу. С силой выдохнув, он чуть подтянулся и всадил третью стрелу в дерево на аршин выше второй стрелы, на которой висел. Перехватившись рукой за третью стрелу, он опер колено о вторую стрелу и, достав четвертую железную стрелу, всадил ее еще выше.

Удерживая равновесие, он подтянулся и перехватился снова, уже опершись ногой о нижнюю стрелу, а коленом о вторую. Держась рукой за верхнюю стрелу, он вновь подтянулся на руках и ухватился за край частокола. Проворно взобравшись на него, он уселся между кольями. В этот миг забор вдруг снова зашевелился, и Сабуров что было силы вцепился в заостренную часть ближайшего бревна, обхватив его руками. Частокол стремительно начал опускаться, с диким воем раскачиваясь и врезаясь в землю. Спустя пару минут бревна остановились, возвышаясь всего на четыре аршина над землей. Мирон, который с силой держался на этом подвижном заборе, чтобы не упасть, вновь выругался:

– Вот окаянный! Да сколько можно!

Чувствуя, что частокол вроде не движется, молодой человек спрыгнул с забора на траву с другой стороны, во двор колдуна, видя впереди невысокую покосившуюся избу. Поспешно сделав несколько шагов, он резко остановился, потому что невольно наткнулся взором на сидящего на завалинке седовласого старика в темных одеждах. Быстро направившись к нему, Мирон громко спросил:

– Это ты колдун?

Старик не ответил и даже не посмотрел в его сторону. Мирон приблизился к старику, видя, что он не похож на колдуна, которого он видел в посаде. Старик сидел неподвижно и смотрел перед собой невидящим взглядом. Он казался чуть прозрачным. Молодой человек глухо выдохнул, понимая, что перед ним призрак или дух. Сабуров сделал еще пару шагов к избе, не обращая внимания на старика и, дернув ручку, распахнул дверь. Вдруг прямо на него вылетели пугающие кричащие твари в виде зубастых птиц, прозрачные и большие. Мирон пригнулся. Но они как будто пролетели сквозь него. Поняв, что это тоже привидения, он, выдохнув, наконец вошел в избу.

Здесь царил полумрак и слышались голоса. Пройдя крытые сени, Сабуров увидел две закрытые двери. Одна, довольно странная, вся тряслась и переливалась. Поняв, что это очередное привидение, Мирон толкнул с силой вторую дверь. Войдя в просторную горницу, он вмиг замер. Изба была наполнена привидениями. В основном они находились у стен, полупрозрачные, разного размера, похожие очертаниями на людей, они тихо причитали разными головами. Некоторые смотрели на него, некоторые размахивали прозрачными руками, а некоторые летали по горнице. Окинув полупустую избу взором, Мирон отметил на полу много человеческих костей. Поняв, что привидения – это души убиенных здесь людей, молодой человек поморщился от зловонного трупного запаха.

Не понимая, откуда тут убитые, если у колдуна не было даже охраны при входе, Мирон осмотрелся внимательнее.

– Где колдун? – спросил он у привидений, почти не надеясь, что они его поймут.

Те, естественно, не услышали и продолжали кто пищать, кто летать, а кто просто тупо смотрел на него. Мирон нахмурился и прошел далее в горницу. Вдруг привидения замолчали и тихо жалобно завывали. Призраки мгновенно превратились в светящиеся шарики и опустились к своим убиенным телам, зависнув над головами трупов. Станный жалобный вой привидений навел Мирона на мысль, что кто-то приближается.

И тут он увидел, как из всех щелей в полу полезли некие твари. Черные, тонкие и шипящие. Змеи начали приближаться к Мирону. Он стремительно вытащил палаш и нож. В тот момент, когда первая гадюка бросилась на Мирона, он разрубил ее пополам палашом. Быстро запрыгнув на лавку, молодой человек приготовился к атаке. Гадюки начали прыгать на него, раскрывая пасти и пытаясь укусить. Но Сабуров умело убивал их ударом ножа или палаша, не позволяя ни одной добраться до себя. Он знал, что от укуса гадюки вряд ли можно умереть, но более дюжины человеческих трупов на полу свидетельствовало о том, что, видимо, именно эти твари, наверняка напичканные колдовским ядом, жалили насмерть. Теперь Мирон осознал, кто был охраной.

Разрубив пополам очередную змею и отшвырнув ее, Мирон отметил, что справился почти со всеми, но из щелей лезли и лезли гады. Казалось, их бесчисленное множество. В короткую передышку он невольно вспомнил об одном навыке, которому обучал его старец Лесьяр, который знал все тайны о живых существах. Отбив очередную гадюку, Сабуров чуть приоткрыл рот и начал голосом на низких частотах издавать гортанные звуки, походившие на рев медведя или низкий вой волка.

Применяя низкие частоты, Мирон выдавал невидимые звуковые волны. Это был напев угрозы и силы, внушающий ощущение смертельной опасности. Он знал, что эти звуки слышны только животным и птицам, и редко применял это мастерство, потому как животные всегда были его друзьями. Но сейчас эти жалящие гадюки явно жаждали умертвить его, а он не собирался на тот свет, по крайней мере, сейчас. Продолжая выводить низкие звуки, молодой человек уже через пару минут заметил, как змеи перестали двигаться, а через какое-то время быстро уползли обратно в щели.

Гортанная атака на черных гадюк удалась, и Мирон, облегченно выдохнув, опять спрыгнул на пол.

– Эй, несчастные, – обратился он к привидениям, души которых так и висели маленькими прозрачными шариками над трупами. – Скажите, где колдун?

И вдруг он заметил, как одно привидение-шарик приблизилось к нему и, ударившись о землю, превратилось в мальчика лет десяти. Отлетев чуть в сторону, ребенок показал рукой следовать за ним. Мирон подчинился, и призрак привел его за печь, указав прозрачной рукой на кусок стены. Там не было двери, но привидение показывало именно туда. Решив, что, скорее всего, стена как-то отодвигается, Мирон достал из-за перевязи бердыш и со всего размаху

ударил по ней. От его мощного удара тут же вылетело несколько кусков древесины, и образовалась дыра, за которой зияло большое темное пространство. Бойко проделав бердышом проход, достаточный, чтобы пролезть, молодой человек убрал бердыш за спину и обернулся к привидению.

– Спасибо тебе, паренек, – по-доброму вымолвил Мирон. Прозрачный мальчик как-то безразлично смотрел на него, как будто забыв о присутствии человека рядом. Сабуров вдруг спросил: – Как помочь вам?

Безразличный взор мальчика обратился на его лицо, и привидение задрожало. Паренек открыл рот и что-то сказал, но Мирон не услышал ни звука. Привидение снова попыталось сказать, и опять ничего не было слышно. Видимо, душе не хватало энергии, чтобы воспроизвести слышимый звук, и Мирон только по губам мальчика-привидения, который с упорством твердил некое словно, догадался:

– Огонь? – подсказал Сабуров.

Привидение согласно закивало, и Мирон согласился:

– Хорошо. Разберусь с колдуном, спалю тут все. Чтобы более никто не умирал.

Молодой человек быстро сделал несколько факелов из обрубков досок и старых тряпок, найденных в избе, и зажег огнем первый. Сунув остальные факелы за пояс, он протиснулся в деревянный вырубленный проход и устремился по земельным ступеням вниз.

Колдун почувствовал его, когда Мирон появился на пороге его огромной каменной кельи. Резко обернувшись, темный колдун выкинул руку вперед, и в молодого человека полетел яркий огненный шар размером с кулак. Мирон успел увернуться, и опасный обжигающий шар врезался в каменную стену за его спиной, горящим потоком сползая вниз. Вмиг Мирон выхватил свой палаш с посеребренными рукоятью и острием на конце и, мгновенно сконцентрировавшись, как учил его старец Светослав, поставил вокруг палаша перед собой защиту. Влетев внутрь странного каменного шестиугольного зала с окнами-бойницами, которые зияли в потолке, Мирон попытался приблизиться к колдуну. Вновь два огненных шара один за другим полетели в сторону молодого человека. И колдун чуть попятился, отступая к стене. На его страшном, словно маска, желтом лице светились лишь черные глаза. Мирон умело отразил энергетическим щитом огненные шары, и они стекли по его защите, упав на каменный пол, рассыпавшись горящими угольями.

– Заканчивай, колдун! – выкрикнул Мирон, неумолимо приближаясь к колдуну, а тот пятился от него по кругу залы. Помещение было пустым, только стол со свечами и сундук находились в нем.

– Уми, приبلудок! – процедил хрипло колдун, засыпая Мирона все новыми и новыми огненными шарами. Не в состоянии подобраться к колдуну, ибо ему приходилось отбивать каждый огненный шар, Сабуров топтался на месте. В какой-то момент один из огненных шаров, низко летя, обжег лодыжку молодого человека, и тот ощутил жгучую боль. Штанина молодого человека вспыхнула, и Мирон стремительно упал на каменный пол, вниз горячей штаниной, и пару раз перекатился. Огонь затух, но обожженная нога болезненно заныла. Тут же еще один опасный шар пролетел у него над головой, и Сабуров едва успел пригнуться.

– Ну все, колдун, хватит! – прорычал Мирон, окончательно разозлившись, и, стремглав поднявшись на ноги, проворно достал небольшой топорик и метнул его прямо в колдуна. Холодное оружие рассекло воздух и широким лезвием с недюжинной силой врезалось в запястье той руки колдуна, которой он метал огненные шары. Топор обрубил руку по локоть и ударился в стену. Отрубленная кисть колдуна упала на пол, и он истошно заголосил нечеловеческим голосом. Мирон уже оказался рядом и, схватив его за рясу на груди сильной рукой, прохрипел в лицо:

– Все, колдун, игрища кончились, теперь поговорим!

Колдун уже хрипел, прижимая к обрубку здоровую руку, пытаясь остановить кровь.

– Я тебя не звал и говорить с тобой не буду, – выдохнул невнятно колдун, скрипя зубами от боли, и Мирон едва разобрал его слова.

– Хочешь жить, будешь говорить. Иначе умрешь от крови, – с угрозой бросил Мирон.

– Чего тебе надобно, опричник?! – проскрежетал колдун. Было заметно, что язык старика странно шевелится, будто плохо слушался его, и Мирон подумал, что к выращиванию языка колдуна явно приложил руку нечистый.

– Мне Чаша нужна, кою тебе Храмовники завещали.

– Не тобой оставлено, не тебе получать, – выплюнул колдун.

– Нет, колдун. Ты по-хорошему отдай. Тогда, может, оставлю тебе жизнь.

– А ты что, Христос, чтобы решать, кому жить? – съязвил колдун, корчась от жестокой боли, потому что с обрубка его руки стекала кровь.

– Нет, – процедил Сабуров, стягивая рясу на груди колдуна, словно хотел удушить его. – Но у меня есть грамота, чтобы привести тебя на боярский двор к наместнику. Жаждет он тебя в тюрьме видеть.

– Так я и пошел, – взвизгнул зло колдун.

– А может, лучше, как боярин велел, тайком покончить с тобой, чтобы люди посадские более не боялись мимо полей на кладбище ходить?

Колдун оскалился, понимая, что Мирон не оставил ему выбора, и прищурился.

– Есть у меня эта Чаша, – сказал тихо колдун. – Только она не здесь. Идти надобно за ней.

– Ясно, – кивнул Мирон и отпустил колдуна, понимая, что тот сдался. Молодой человек отошел от сидящего на полу старика и огляделся, ища, чем бы перевязать руку колдуну. – Есть тряпье какое? Перевяжу тебя.

В следующее мгновение внутренним чутьем услышав знакомый свист, рассекающий воздух, Мирон резко отклонился, и кусок железа с ладонь длиной, похожий на острие ножа, пролетел мимо и врезался в стену. Стремительно обернувшись, Мирон увидел, как сидящий на полу колдун откуда-то из-за пояса быстро вытаскивает острые железные чешуйки и со злобным остервенением кидает в него с такой скоростью, что Мирон вмиг упал на пол, спрятавшись за дубовые ножки стола. Одно из острых лезвий все же задело Мирона, попав ему в левое запястье. Выдернув острие из своей руки и увидев, как из раны хлынула кровь, Сабуров, разозлившись, в бешеном порыве вытянул из ножен длинный нож и метнул его в колдуна. Тот взвыл, и лезвия перестали лететь. Мирон приподнялся, вытянув голову из-за стола, и увидел, что клинок его длинного ножа угодил колдуну прямо в правый глаз, врезавшись с силой в его голову и пробив ее до затылка.

– Вот едрена бабушка, – выругался Мирон, вставая на ноги, понимая, что не рассчитал удар, и, как это бывало в бою, по привычке сразу же отправил нож в глазницу, убивая врага наверняка. Колдун безжизненно привалился спиной к каменной стене. Понимая, что убил колдуна, не узнав самого главного, где находится Чаша, молодой человек помрачнел. Мирон приблизился к колдуну и осмотрел его. Вынув нож из глазницы, откуда сразу же хлынула кровь, Мирон обтер холодное оружие о длинное одеяние колдуна.

– Издох, – процедил Сабуров. – Хотел ведь я по-хорошему.

Наклонившись над мертвым стариком, он начал осматривать его и не нашел ничего интересного, кроме связки ключей, висящих у колдуна на поясе. Забрав их, Мирон выпрямился, напряженно думая, где теперь искать Чашу.

Он огляделся и тут ощутил, как ноет рана на руке. Быстро стянул кафтан и аккуратно бросил его на стол, отмечая, что дыра от лезвия совсем небольшая, потому можно заштопать вещь, которая стояла почти рубль серебром. Вынув длинную рубашку из штанов, молодой человек оторвал от нее снизу узкий холщовый лоскут и проворно перетянул запястье, чтобы рана не кровоточила.

Мирон вновь осмотрелся. Где искать Чашу было неведомо.

И тут до его слуха донесся слабый голос:

– Помогите...

Вмиг обернувшись, Мирон осмотрелся. И снова, уже громче, раздался женский стон:

– Помогите...

Зов слышался от крайней дальней от него стены. Нахмурившись, Сабуров пошел на звук и увидел, что стена не глухая, а имеет каменный выступ. Точнее, каменная кладка как бы шла второй стеной от пола до верха. Просящий голос раздался вновь, и молодой человек без промедления бросился в просвет и увидел впереди темный проход со ступеньками, спускающимися вниз. Именно оттуда вновь послышался слабый голос. Он быстро вернулся обратно в каменную горницу колдуна и взял со стола свечу. Направляясь по ступеням вниз, Сабуров освещал себе путь свечой, а вторую руку держал на эфесе палаша, чувствуя что-то неладное.

Проворно преодолев ступени, Мирон оказался в мрачной большой комнате без окон. В дальнем углу на полу сидел человек. Тонкая фигурка в черном одеянии явно принадлежала женщине. Два тускло тлеющих факела почти не освещали каменное холодное пространство. Сидящая прямо на каменном полу незнакомка смотрела в его сторону. Приблизившись, молодой человек увидел, что это девица в черном монашеском одеянии: длинном подряснике и апостольнике. На ее запястье виднелись черные оковы, от которых шла цепь, вмурованная в каменную стену.

Пленница, подняв на молодого человека бледное юное лицо, смотрела на него, не отрываясь, и пересохшими губами вновь взмолилась:

– Помогите мне. Я чувю, вы добрый человек.

– Ты кто? – выдохнул непроизвольно Мирон, удивленным взглядом рассматривая девушку. Апостольник наполовину скрывал ее темные волосы, открывая миловидное лицо с яркими зелеными глазами. Высокий лоб и видневшиеся пряди блестели в отблесках свечи, и Сабуров отметил, как тонки ее запястья, одно из которых опоясывал жуткий железный капкан-браслет. Она показалась ему невозможно жалкой и несчастной. На вид девице было не более шестнадцати-семнадцати лет. Едва он заговорил, как ее очи оживились, и она, судорожно сглотнув, тихо пролепетала:

– Людмила. Я монахиня Покровского монастыря...

Глава IX. Монахиня

– Монахиня? – опешил Мирон, не понимая, как могла оказаться монахиня в логове колдуна. – Погоди, сейчас. – Он начал осматривать железную цепь и ее оковы, чтобы освободить девушку.

– Я слышала шум. Вы бились с колдуном? – спросила девушка, следя за мимикой молодого Сабурова.

– Да, – кивнул Мирон, отмечая, что железные кандалы на запястье девушки плотно прилегают к коже и вытащить ее тонкую руку невозможно.

– Вы же убили его? – пролепетала монахиня, не спуская напряженного зеленого взгляда с сурового лица молодого человека. Отмечая недлинные светло-русые вихры волос и короткую густую бороду, покрывающую большую часть лица, Людмила осознала, что пришедший молод, лет двадцати-двадцати пяти, не более. Ибо его серые строгие глаза светились юношеским задором и простодушием.

Бросив на девушку в темном подряснике недовольный взгляд, Мирон глухо вымолвил:

– Не хотел. Убил ненароком. Хотел его к боярину, наместнику, доставить.

Он отвернулся, осматривая цепь, и с силой дернул ее, обдумывая, как освободить девушку из капкана, чтобы не поранить ее. Людмила видела, как он пытается скрыть смущение, то ли от ее близости, то ли потому, что она пыталась его об убийстве колдуна.

– Зачем колдун поймал тебя? – спросил Мирон, вновь обратив на нее взор.

– Хотел выпить мою кровь, а потом убить, так он сказывал. Полнолуния ждал.

– Мерзость, – поморщился Сабуров, бросив на девушку быстрый пронзительный взор и опять перевел внимание на цепь.

– Я девственна. Оттого моя кровь чиста, так он сказал.

Приблизившись к облезлой каменной стене, Мирон начал осматривать ее поверхность, простукивая каменную кладку вокруг места, куда уходила цепь.

– И как колдун тебя из монастыря выманил? – не удержавшись, спросил он.

– Я сама сбежала. Брат у меня сильно болен. Почти не ходит. Я к знахарке одной в посаде ходила. Но она совсем не помогла мне, сказав, что болезнь брата тяжелая. И тут этот колдун появился у меня на пути. Заявил, что знает снадобье, которое могло бы вылечить брата. Я и пошла с ним. А он обманул меня и на цепь посадил.

– Наивная ты девушка, – нравоучительно заметил Сабуров.

Отвернувшись от девушки, он обхватил цепь двумя руками и попытался выдернуть ее из каменной кладки. Однако та надежно крепилась к камням. Мирон сильнее ухватился руками за цепь и, опершись ногой о стену, сосредоточился. Уже через миг он дернул железо с недюжинной силой и вырвал цепь из стены. Часть каменной кладки повалилась следом, и девушка, вскрикнув от испуга, невольно отпрянула, отползая подальше.

Вырванная Мироном цепь оканчивалась круглым железным ядром, тяжелым и мощным.

– Погодь, – сказал Мирон и быстро направился обратно по ступеням вверх в горницу колдуна.

– Вы куда? – боязливо пролепетала Людмила ему вслед, так и сидя на каменном полу.

Молодой человек вернулся спустя несколько минут, держа в руке свой бердыш, который оставил в коридоре, до того как ворвался в каменную залу к колдуну. Длинным изогнутым лезвием бердыша Мирон пару раз ударил по цепи со всей силы. Та порвалась, оставив на запястье девушки кандалы с обрывком железных звеньев.

– Не переживай, сходим к кузнецу, снимет он с тебя этот «браслет», – попытался успокоить девушку Сабуров.

– Спасибо вам. Как ваше имя? – спросила Людмила, обратив на него благодарный взгляд и всматриваясь в его мужественное лицо. Он ответил ей прямым честным взором и вымолвил:

– Сабуров Мирон Иванович. На службе в опричном войске царя состою.

– Вы ранены! – выпалила вдруг Людмила, указав перстом на его левую руку, на которой от натуги выступила алая кровь, намочив повязку. Отмечая, что правая нога молодого человека черна от копоти, она добавила: – И ваша нога!

– Колдун ожег. Пройдет, – отмахнулся Мирон, даже не взглянув на раны.

Он наклонился над девушкой и попытался поднять ее на ноги.

– Не надо! Я сама! – воскликнула Людмила, отталкивая руку молодого человека и тяжело поднимаясь на ноги.

– Идти-то сможешь? – подозрительно спросил Мирон. – Поди, голодом морил колдун тебя? Худая ты больно.

– Давал мне хлеб с водой. Да я всего здесь три дня.

Он направился по ступеням вверх, а монахиня пошла за ним. Едва они ступили в горницу, где лежал убитый колдун, Людмила невольно боязливо прикрыла рот ладонью, чтобы не вскрикнуть. Глаз колдуна вытек, а отрубленная его рука лежала рядом. Кровавое зрелище испугало девушку, и она перевела ошарашенный, словно осуждающий взор на Мирона. Тот устыдился и тут же отчего-то разозлился. Ясное дело, она была девицей, да еще монахиней, и, конечно же, такая жестокость по отношению к колдуну казалась ей чрезмерной и жуткой. Он видел ее дикий взор, направленный прямо на него.

– И чего глазеешь? – процедил он недовольно. Отчего-то осуждающий взгляд этой девицы задевал Мирона за живое, и он выпалил: – Может, его пожалеть надо было? Чтобы он все же попил твоей кровушки?

– Нет, – пролепетала она тихо. – Я не осуждаю вас...

– Как же! – вымолвил он, отметив, как она отошла от колдуна и приблизилась к выходу. И окликнул ее: – Погодь! Надо мне взять кое-что, за чем пришел.

– Что же? – спросила девица.

– Вещь одну, – бросил Мирон, осматривая каменную залу, но не видя ничего похожего на Чашу. На столе лежало несколько потертых временем книг, стены оказались пустыми, а единственный сундук был проворно открыт Мироном. Там хранилась одежда и несколько серебряных мешочков с монетами.

– Вы деньги ищите? – поинтересовалась монахиня, подходя к Мирону, который рылся в сундуке, увидев, как он взял в руку один из двух мешочков с серебряными монетами, которые колдун спрятал на дне сундука.

– Нет. Чашу, – нехотя буркнул Мирон, кинув мешочки с серебром обратно в сундук и захлопнув его. Он чуть отошел, вновь осматриваясь по сторонам.

– Чашу? – удивилась Людмила, а сама открыла сундук и спросила. – А если вам серебро не нужно, могу я его взять?

Обернувшись к монахине, Мирон усмехнулся.

– Первый раз вижу монахиню, которая до денег охоча!

– Колдун мертв, серебро ему ни к чему, – объяснила Людмила. – А я в монастырь копейки серебряные принесу, мать-настоятельница довольна будет. Оклад золотой новый на икону Спасителя сделаем.

– Бери, – отмахнулся от нее Мирон и вновь начал шарить глазами по комнате. – И называй меня на ты. Я же не старик какой.

– А как выглядит, эта ваша Чаша? – заинтересовалась Людмила и тут же поправилась: – Твоя Чаша? – Девушка достала мешочки с серебром и проворно спрятала серебряные копейки себе в потайной карман, который висел у нее на кожаном черном поясе. Она захлопнула сундук и подошла к столу с древними книгами. Взяв одну из них, отметила, что почерк писца,

выводившего эти строки, очень красив. Она вновь подняла глаза на молодого человека и спросила: – Золотая она, что ли? Чаша эта?

– Не знаю, вряд ли, – пожал плечами Мирон.

– Зачем тогда она тебе?

– Колдун по-хорошему отдавать ее не хотел. Видать, и впрямь волшебная Чаша, раз бился насмерть. Говорят, она может бессмертие подарить или еще что там сделать. Не знаю точно. Грааль какой-то, – добавил молодой человек, наклонившись и осматривая столешницу снизу.

– Чаша Грааля, которая может исполнить любое желание? – выпалила вдруг в воодушевлении девушка, которая поражено уставилась на широкую спину Сабурова. Он выпрямился.

– Желание? Про желания не ведаю. А ты почему знаешь о Чаше? – поднял удивленно бровь молодой человек.

– Одна старлица в нашем монастыре рассказывала о ней. Ее тамплиеры, рыцари-франки, привезли на Русь уже давно и спрятали. Эту Чашу ты ищешь?

– Вроде оную, – буркнул Мирон, совершенно не желая говорить на эту тему со странной монашкой с яркими изумрудными глазами, которая смотрела на него теперь таким пронизывающим взором, что он смутился.

– И у колдуна была эта Чаша? – вымолвила она.

– Да. Мне велели добыть ее для одного человека, – уклончиво сказал Сабуров.

– И куда ты ее повезешь?

– Тому, кто приказал.

– И ты даже не загадаешь желание?

– О чем ты толкуешь, девица? – произнес Мирон, делая вид, что ему неинтересны ее слова. Он отвернулся, вновь осматриваясь. – Найду Чашу, а затем отвезу тебя в монастырь, пока с тобой еще чего не приключилось. Про Чашу не твои заботы.

Бросив искоса на девушку взгляд, он увидел, как ее взор чуть потух, и она обиженно поджала губы. Отвернувшись, Людмила вновь начала рассматривать книги колдуна, лежащие на столе. Но Мирон не чувствовал своей вины. Так как не собирался обсуждать свои дела с этой девицей. Он и так рассказал ей много лишнего.

– Только не ведаю, где искать, – пробубнил молодой человек сам себе под нос.

Вдруг Людмила тихо произнесла:

– Я голоса слышала в подземелье. Мне кажется, где-то здесь еще есть пленники.

– Неужели? – обернулся к ней Мирон. – И где же?

– Там, за стеной, видимо, из коридора.

– Призраки, поди, тут полно их.

– Нет, голоса людей. Тихие. Слышала, когда на привязи сидела.

– Да. И где? Пойду, осмотрю здесь все, – сказал Сабуров.

– Я с тобой, – воскликнула девушка. Рядом с Сабуровым ей было как-то спокойнее, не так страшно.

Проворно выйдя из просторной каменной горницы колдуна, Мирон взял со стены короткий горящий факел и направился осматривать подземное жилище нечестивого. Все подземное хозяйство состояло из семи комнат, которые в основном были пустыми, с малым количеством мебели, и холодными. Одна оказалась спальней, потому что там стояла кровать, еще одна походила на трапезную. Все комнаты были без окон и производили впечатление неких склепов, так как каменные стены не давали тепла. Людмила следовала за Сабуровым по пятам, боясь отстать. Достигнув самой дальней двери, Мирон толкнул ее, и они вошли в широкое темное помещение. Скорее всего, это была большая кладовая с разными припасами, которые находились в мешках и на деревянных полках.

Оглядываясь и пытаясь разглядеть в куче припасов хоть что-то, молодые люди слышали приглушенные голоса. Они слышались за еще одной дверью, которая была напротив

входа, откуда они пришли. Переглянувшись, Мирон и Людмила проворно направились к двери. Открыв тяжелую деревянную створку, они попали в просторную горницу с окнами-бойницами, в потолке с натянутым паюсом, который еле пропускал дневной свет. У печи стояла старуха, которая что-то мешала в глиняном горшке, на лавке рядом сидел мальчик лет десяти. Грязный и обросший. В углу комнаты лысый горбун шил кожаный мешок толстой иглой.

Глава X. Узники

Когда Мирон и Людмила появились на пороге горницы, все три пары глаз испуганно уставились на них.

– Ох, вы кто такие? – первой нашлась старуха, проскрежетав. На вид ей было лет семьдесят.

Людмила прямо с порога, указав на Сабурова, протараторила о том, что Мирон убил колдуна и освободил ее.

– Я не видела тебя, девка, – сказала старуха. – Или ты в темном месте в его келье сидела?

– Да, именно там, бабушка, – кивнула Людмила.

Все трое: старуха, мальчик и немой горбун, – оказались пленниками колдуна, которые прислуживали ему. Он держал их в своем логове и не выпускал на свободу. Едва пленники осознали, что Сабуров покончил с колдуном и теперь они свободны, бабка просеменила к Мирону и, глядя его по руке, вымолвила:

– Вот спасибо тебе, соколик! Избавил нас от этого ирода нечистого! Почитай, кучу лет я в услужении у него. Как поймал, так на волю не выпускал. Думала, здесь помру.

– Вы же без цепей, отчего не ушли? – спросила Людмила.

– А это видели? – возмутился мальчонка десяти лет, который встал с лавки и показал свое запястье, на котором красовался черный кованный тонкий браслет. – Едва мы от логова чуть дальше отходим, чем колдун велел, так дышать не можем. Заколдованный браслет.

– Дак снимите его, – велел Мирон.

– Ага, колдун сказал, если снимем, сразу и помрем, – проскрежетала старуха. Горбун так же отложил свое занятие и тоже приблизился к ним, как-то по-собачьи преданно смотря на Сабурова.

Мирон протянул руку к браслету мальчика и начал прощупывать энергию, которая явно наполняла колдовскую вещь. Черный браслет излучал странную, едва уловимую энергию. Сабурову показалось, что она вроде бы слабеет с каждым мигом, но он не был уверен.

– Так это вы таскали еду с условленного места в лесу, что люди купца привозили? – догадался Мирон.

– Мы, соколик. Егорка с Михеечем таскали. Колдун проклятый с ними в тайный ход ходил и следил, чтобы не сбегли, – объяснила старуха.

– И давно вы у колдуна в пленниках? – задала вопрос Людмила, проходя, и, увидев в деревянной миске пироги, спросила: – Можно, бабушка, я пирог съем? А то есть больно хочется.

– Кушай, сердешная, – кивнула бабка и, вновь обернувшись к Мирону, ответила: – Я уже почти тридцать лет тут. Михееч десять, он немой с рождения. А Егорушку он в том году поймал.

– Думаю, с вашими браслетами старец Радогор разберется, – сказал Сабуров. – Свезу вас к нему, авось снимет заклятье. Ты лучше, бабушка, скажи, нет ли места какого тайного, где колдун свое добро прятал?

– Нет, соколик, не ведаю о таком. Ни разу не видела.

– А может, сундук какой есть, к которому вам запрещено было прикасаться? – спросила Людмила, с жадностью засовывая себе в рот последний кусок пирога.

– Нет вроде, – задумалась старуха. – Везде я прибирала раз в неделю.

– Как же, бабушка, а в спальне его? – вдруг выпалил Егорка. Бабка перевела взор на мальчика и закивала:

– И правда, внучек. В спальне своей колдун никогда не разрешал прибираться. Даже близко к комнате не давал подходить.

– И где спальня эта? – тут же воодушевился Мирон.

– Самая последняя дверь по коридору.

Сорвавшись с места, Мирон устремился, куда указала старуха. Он ворвался в комнату и огляделся. Стены были выложены бревнами, но без окон. В углу находился большой сундук, посередине стояла кровать, устланная медвежьим мехом. Балдахина на кровати не было, и лишь мощные широкие черные столбы по краям кровати говорили о том, что когда-то возможно он и был.

Людмила тоже появилась на пороге спальни колдуна вслед за молодым человеком. В этот миг Мирон уже простукивал стены кулаком, ища пустоты. Он искал тайник, как догадалась девушка. Она прошла внутрь и начала следить за действиями Сабурова, который сверху донизу упорно стучал по дереву. Монахиня молча стояла у кровати и не спускала взгляда с Мирона, надеясь, что он все же найдет тайник. Спустя полчаса Сабуров закончил, так и не найдя пустот, и в запале выдохнул:

– Ничего не слышать!

– А может, нет здесь тайника? – спросила девушка.

– Ага. А Чаша тогда где?

– Не знаю.

– Вот тогда и помолчи! И не говори под руку, – рыкнул на нее Сабуров, продолжая свое дело.

Наверное, еще через полчаса, когда Мирон так и не нашел ни одной пустоты в комнате, он устался на деревянный пол. В этот момент в спальню пришли Егорка со старухой и спросили Людмилу, что им делать. Девушка попросила их обождать в горнице с печью или идти наружу. Старуха ответила, что им боязно идти одним, и они будут дожидаться их. Бывшие пленники ушли, а Людмила, устало облокотившись о деревянную стойку кровати, напряженно и печально посмотрела на Мирона, который упорно стучал уже по полу. Отчего-то она подзревала, что все напрасно, и Чаши здесь нет. Увидев, как молодой человек взобрался на сундук и устался на деревянный потолок, она не выдержала и хмуро спросила:

– Ты и потолок, Мирон Иванович, смотреть будешь? Вряд ли колдун туда ее спрятал. Может, еще в других комнатах поищем?

– Ты, девка, не понимаешь, – произнес, ошетинившись, Мирон. – Мне эта Чаша, как воздух нужна. Без нее не пойду отсюда. И, если понадобится, все это логово разворочу и по бревнам раскидаю. Но Чашу добуду! Чую я, здесь она где-то!

Замолчав, он принялся простукивать потолок. Людмила устало оперлась о деревянную широкую стойку кровати и вдруг ощутила странную вибрацию под щекой. Словно в дереве было сердце, и оно отбивало глухие удары. Опешив, девушка приложила руку к деревянному столбу и почувствовала ладонью едва ощутимую пульсацию. Почти незаметную, еле уловимую.

– Мирон Иванович! – выпалила Людмила ошарашенно.

– Чего? – обернулся он к ней.

– Здесь в столбе что-то бьется, навроде сердца в груди.

– Что за бред говоришь? – нахмурился Сабуров.

– Ты сам руку приложи!

Стремглав прыгнув с сундука, молодой человек приложил руку к тому месту, куда указала Людмила. Уже через миг он вперился в девушку опешившим взглядом и, быстро сжав кулак, со всей силы ударил по деревянному столбу. Тонкая панель треснула, и вывалился кусок древесины. Мирон приник лицом к дыре в столбе, а затем проворно сунул руку внутрь. Он вытащил небольшую выкованную из тонкой меди чашу, которая была чуть зеленоватого оттенка. Потертая, размером немного более мужской ладони, она была вся испещрена диковинными рисунками, выгравированными на ее поверхности внутри и снаружи. Мирон начал вертеть вещицу в руках, осматривая и чувствуя, как в его душе растет ликование. Чаша, от которой зависела жизнь его отца, была найдена, оставалось только свезти ее царю. Людмила

стояла рядом с молодым человеком, тоже с интересом и восхищением разглядывая реликвию, почти не веря в то, что им удалось найти ее.

Ощущая, что Чаша действительно странно необычно пульсирует, будто в ней бьется маленькое сердце, Мирон понял, что это явно волшебная вещь, которую он искал. Все-таки не зря же колдун спрятал ее здесь и никого не пускал. Оставалось лишь проверить ее при лунном свете на радугу и можно отправляться в Москву.

– Благодарствую тебе, Божечка! – выдохнул Мирон воодушевленно, вертя Чашу в руках и радуясь словно мальчишка. На его губах заиграла улыбка, которая редко появлялась на его лице, и он чуть отошел от девушки к факелу, горящему на стене, пытаясь рассмотреть Чашу получше. – Вот, спасибо тебе.

Опешив от такой непосредственной искренней радости молодого человека, девушка приблизилась к нему и, внимательно глядя на Чашу, прищурилась.

– Зря радуешься, Мирон Иванович, – вдруг произнесла тихим голосом Людмила. – Без яхонтов самоцветных и обручей, золотом кованных, не будет Чаша волшебной.

Он не сразу осознал ее слова, но спустя миг перевел взор на ее лицо и спросил:

– Что ты сказала, девица?

– То и сказала, что Чаша эта пустая. Только оболочка, без сакральных частей.

– Ну-ка, объясни толком, – выпалил недовольно Мирон, и улыбка исчезла с его лица. – Ничего не пойму.

– Вот, смотри, – ответила Людмила, указывая тонким пальцем на основание Чаши. – Видишь, четыре углубления на ножке, явно для самоцветов, которые раньше здесь сияли. А светлые две полосы по контуру у основания и в талии Чаши. Точно здесь драгоценные обручи были.

– Ты откуда это поняла? – опешил Мирон, видя явное подтверждение словам девицы. – Это тоже тебе старица-монахиня рассказала?

– Да, – кивнула девушка. – Чаша должна украшаться четырьмя яхонтами самоцветными, по частям света. Да двумя золотыми обручами с рисунком сакральным. Иначе не будет Чаша выполнять желания. Так мне старица наша сказывала.

– Что это еще за желания, о которых ты все время толкуешь?! – вспыхнул Мирон.

– Чаша может выполнить любое желание владельца, который взял ее в руки и сказал, что она его. Но только одно желание и самое заветное...

– И что, я должен поверить в это? – буркнул Мирон, ощущая, что девица говорит такие сказки, которые не вписываются в его реальное понимание мира.

– Можешь не верить, но это так, – пожал плечами девушка и, устремив на него яркий горящий взгляд изумрудных глаз, тихим шепотом добавила: – А я очень в это верю! Но для этого Чаша должна быть полностью собрана воедино.

– Ты что же хочешь сказать, монашка, что еще надо искать камни самоцветные и некие обручи для этой Чаши? – наконец сделал неприятный вывод молодой человек, смотря на нее сверху вниз, ибо Людмила была ниже его на голову.

– Да.

– Провались все под землю! – выругался Сабуров в отчаянии, отвернувшись от нее. Он начал ходить по комнате, словно зверь в клетке, причитая и ругаясь. – Что за напасть! Едрена вошь! Прямо сил нет. – Людмила тихо стояла у стены с факелом и следила за ним, ожидая, пока запал молодого человека не иссякнет и он немного успокоится. Так и вышло. Уже через несколько минут он резко остановился и, устремив на нее тяжелый взор, процедил: – И где ж искать все части Чаши-то этой проклятой? Старица тебе не сказывала?

– Нет. Но, думается мне, что у нечисти какой, где-то тоже хранится. Возможно, колдун и передал эти части кому.

– Точно! У «схорона» этого тайного! – выпалил вдруг Мирон и тут же осекся.

– У «схорона»? Что это? – переспросила девушка.

– Не твоего ума дело. Сам все узнаю, – буркнул он и, проворно убрав Чашу в заплечный мешок, устремился к выходу из комнаты.

Быстро обойдя девушку, Сабуров направился по коридору в сторону горницы, где их ждали пленники колдуна. Людмила устремилась за ним и, догоняя, обиженно произнесла:

– Все же какой ты недоверчивый человек. Я тебе тайну открыла о Чаше и помогла найти ее, а ты не хочешь мне ничего рассказать.

Слова девицы задели Мирона, и он резко остановился, обернувшись к ней.

– За то, что про Чашу рассказала, спасибо тебе, – кивнул он. – Но про этот «схорон» не моя тайна. Не могу тебе ее открыть!

– А если бы рассказал мне все, может, я еще тебе что открыла бы.

– Ох, хитрюга! – уже недовольно сказал молодой человек. – И чего привязалась? Ладно, скажу. Только одно еще знаю. Старец Радогор сказывал, что Чашей этой владеет некая шайка нечисти, которая обитает здесь, на русской земле. «Тайный схорон» зовется. Вот их-то, наверное, и надо искать, чтобы самоцветы, про которые ты сказывала, добыть. Я ведь думал, колдуна отыщу и Чашу заберу, и дело с концом. А вишь, как вышло.

– Надо найти эту нечисть из «схорона».

– Так просто у тебя все! – вымолвил в сердцах Мирон. – А где их найти-то? Про колдуна известно было, а остальных где искать? Никто не ведает.

Он вновь направился дальше, а девушка чуть отстала. Пройдя в горницу, Мирон велел пленникам:

– Собирайтесь. На волю пойдем.

– Мы уже давно готовые, – кивнула старуха.

Через некоторое время на пороге появилась Людмила, которая только пришла из каменной залы, где лежал колдун. Все пленники уже собрали свои немногочисленные пожитки и были готовы идти. Монахиня быстро подошла к молодому человеку и тихо спросила:

– Могу я поговорить с тобой?

Кивнув, Сабуров отошел с девушкой в дальний угол.

– Ну? – спросил он.

– Возьми меня с собой, я помогу тебе собрать все части воедино, – попросила Людмила.

– Еще чего выдумашь? – ошетинился Мирон, хмуро смотря в ее юное приятное лицо. – Мне и без тебя теперь дел будет невпроворот, чтобы отыскать эти камни-то.

– А я знаю, как найти нужную тебе нечисть.

– Да прям! – сомневаясь, буркнул Мирон.

– Вот, смотри, – быстро произнесла Людмила, показывая ему небольшую черную книжку. – Она у колдуна на столе была. Я ее сразу заприметила, – девушка раскрыла книгу в определенном месте и велела: – Вот, смотри здесь.

Сабуров с интересом взглянул, куда указывала девушка, и спросил:

– И что смотреть-то?

– Чаша нарисована, не видишь, что ли? – напряженно выпалила девушка, указывая на первую страницу книжки в черной кожаной обложке.

– Ну, чаша, и что? – нахмурился Мирон, уже понимая, к чему клонит девушка.

– Про тайную Чашу книжка-то!

– И что? Дай-ка сюда, – велел Сабуров и, забрав у девушки книгу, начал рассматривать первые письмена, которые были выведены неведомой рукой под рисунком. – Ничего не понятно. Что за корявый язык ни одного слова не разобрать?

– Это древний язык. Санскрит называется, – объяснила монахиня.

– Да, слышал про такой, – кивнул Мирон. Людмила вновь забрала у него книгу и, указав пальчиком на одну из первых строк, промолвила:

- Смотри, написано здесь вот что...
- Ты что, понимаешь этот язык, девица? – удивился Сабуров.
- Немного. В монастыре у нас есть несколько книг, на нем писанных. Я и читала их немного. Да и теперь попыталась прочесть эту книжку колдуна.
- Ну и что ты поняла?
- Пока ничего. Но, – Она перевернула лист, и молодой человек увидел нарисованную пером шестиконечную звезду. У каждого конца звезды был изображен причудливый знак, как и в самой середине. А под рисунком написаны некие два слова. Людмила указала пальчиком них и тихо выпалила: – Вот эти два слова означают «тайна» и «спрятаться»! «Тайный схорон»! Вот наверняка здесь написано все о шайке этой нечистой!
- Да не может быть, – сомневаясь, вымолвил Сабуров.
- Да точно! – воскликнула Людмила и, вновь перевернув на первую страницу, с горячностью произнесла: – Разобрала я первые слова здесь. Издревле... кровь... тамплиеры... преемник... бессмертие... Чаша... Эти слова я поняла.
- А вместе что?
- То и значит, что Чаша эта рыцарей-тамплиеров, которых сожгли почти триста лет назад.
- Ты, девица, и впрямь умно говоришь, как и наш отче, – выдохнул Сабуров, всматриваясь в черные строки, но ничего не понимая.
- Говорю, возьми меня с собой, – не унималась монахиня, сверкая на него очами. – Я книжку помогу тебе понять. Наверняка в ней написано, где искать нечисть-то.
- Не возьму я тебя, – отрезал Сабуров. – В монастырь тебе надо.
- Я в монастырь не вернусь.
- Не глупи. В походе девка? Еще чего. И вообще, не пойму, зачем тебе это надо?
- Брат у меня сильно болен, – с горечью сказала Людмила. – Соберем Чашу, и, если ты позволишь, я желание загадаю, чтобы брата исцелить.
- О, какая скорая. Я что же нечисть искать должен, чтобы ты желание загадала?
- Да, – кивнула Людмила. – Ты и сам загадаешь. Чаша же у каждого может исполнить.
- Да прям, – засомневался Сабуров, в душе ощущая, что девица говорит очень искренне.
- Точно тебе говорю, только один раз. Так старица сказывала.
- Что-то не верю я, – уже колеблясь, произнес Мирон.
- А ты поверь! – выпалила она громким шепотом. – Мне очень брата надо исцелить! Поможешь мне, а я тебе помогу.
- И какой от тебя прок? С нечистью тебе все равно не совладать.
- Я книжку эту разгадаю и все расскажу тебе. Чувствую, что в ней все тайны Чаши написаны и про нечисть нужную.
- Ладно говоришь, только, чую, не к добру! – заметил он и, поморщившись, бросил взор на свою ногу, которая была обожжена и адски болела.
- Больно? – участливо спросила Людмила.
- Да, жуть как саднит. Промыть ее надо да перевязать.
- Сейчас у бабки попрошу воды и помогу тебе, – кивнула девушка и уже обратилась к старухе: – Бабушка, а вода чистая у вас есть?
- Уже спустя четверть часа Мирон сам промыл рану на ноге, оборвав штанину, не позволив ни старухе, ни девушке помочь ему. А затем перевязал ее чистыми тряпками, которые дала ему старуха. Когда он закончил, Людмила подошла к молодому человеку, сидящему на лавке, и подала ему кринку с водой, чтобы напиться, и вымолвила:
- Сейчас лучше стало?
- Пока не чую, – искренне ответил Мирон, и она протянула ему воду. На ее правом запястье так и висели оковы с обрывком цепи, будто напоминая о ее пленении колдуном. Молодой человек жадно отпил из кринки и, подняв на нее взор, встал: – Ох и лиса ты хитрая, –

заметил он хмуру, понимая, что она так и пытается его задобрить. – Обдумал я все. Видать, взять тебя с собой все же придется. А то книжки этой не понять мне самому.

– Спасибо! – выпалила довольно девушка.

Нахмурившись и совсем не разделяя ее радости, Мирон поставил кринку на стол и подошел к Егорке.

– Дай-ка руку, малец, посмотрю еще раз браслет твой, – велел Сабуров, и мальчонка протянул ему ладонь. Проведя по поверхности черного браслета, Сабуров сказал:

– Так я и думал. Энергия ушла с браслета. Колдун умер, оттого заклятие его не действует теперь. Еще час назад немного энергии было на нем, а сейчас нет.

– Какой такой энергии, дяденька? – спросил мальчик.

– Неважно. Давай браслет сниму, ничего тебе не будет.

– А если помру?

– Нет, – утвердительно заявил Мирон.

– Может, соколик, с меня сначала снимешь? – вмешалась старуха, подходя к ним. – Я хоть пожила на свете и помирать не страшно.

– Хорошо, – кивнул Сабуров и, просунув два пальца под браслет старухи, с силой дернул его и порвал. Бабка замерла, как и все присутствующие. Через минуту всеобщего молчания молодой человек посмотрел на старуху. – Ну что?

– Ничего вроде, пока жива, – прокряхтела старуха. – Но надо обождать немного еще.

– Хорошо, обождем, – кивнул Мирон и велел: – Наверх пойдете, а то тут дышать нечем, – и, обведя всех присутствующих внимательным взором, скомандовал: – Идите к выходу, я пока кафтан захвачу.

– Туда, где ход подземный, который в лес ведет? – спросила бабка.

– Нет, не в лес, а в поле, – объяснил Мирон.

– Мы только через лес ходили, – сказала бабка.

– Так, бабка, пойдём, покажешь, – велел Сабуров.

Когда все приблизились к тайному проходу, увидели, что его закрывает монолитная каменная кладка – стена, без ручек и каких-либо выступов, чтобы ее открыть.

– Ох, еще вчерась не было тут этого, – всплеснула руками старуха. – Колдун ее редко закрывал. И чего это сейчас вдруг надумал?

– Опасность, видать, почуял, вот и закрыл, – сделал вывод Мирон.

– Вот здесь мы выходили, – объяснил Егорка, указывая на камень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.